

ЧМОД 666

18+

Александр Лонс

Серия «Отражение. XXI век»

Отражение. XXI век

Александр Лонс

ЧМОД 666

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Лонс А.

ЧМОД 666 / А. Лонс — «ИП Березина Г.Н.»,
2020 — (Отражение. XXI век)

ISBN 978-5-907350-36-6

Что может быть существеннее смерти ближайшего родственника? Это предстоит узнать главному герою. Получив известие о гибели своего отца, Виктор приезжает на похороны и попадает в круговорот событий. Бросив спокойную, размеренную жизнь в Европе, он оказывается в неуютной зимней Москве. Встречи с самыми разными персонажами, мистические события и необычные приключения часто ставят под сомнение здравость рассудка главного героя. Но когда все решается, ему сообщают, что от его наследства зависят чуть ли не судьбы Мира. Причем результат пока неясен, но призовой фонд может стать весьма необычным.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907350-36-6

© Лонс А., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Пролог	6
1. О вреде воспоминаний	8
2. Лифт – благородное дело	11
3. К вопросу о сокращениях	15
4. Тонкости мастерства	20
5. Свобода внутреннего прокурора	22
6. Пик Победы	25
7. Доцент и Соловей	29
8. Страсти по декану	33
9. Голос аспиранта	38
10. Шаманка и Лилу	40
11. Звонок из Москвы	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Лонс

ЧМОД 666

© А. Лонс, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Пролог

Франция. Июль 1567 года.

Стоя в тени монастырской базилики, молодой доминиканский монах, брат Дамиан, предавался греху рукоблудия. Старые камни приятно охладили, а плющ, оплетающий стену, хорошо скрывал от посторонних глаз и жаркого полуденного солнца. Устав Монастыря святого Антония, и без того достаточно суровый, после недавней буллы нового папы стал совсем тягостным. Этим указом Инквизиция формально ставилась выше самого Святого престола. Поговаривали, что Пий V, ранее служивший инквизитором в Риме, захотел всю Европу превратить в один большой монастырь, а за малейшее ослушание и прегрешение призывал к самым суровым наказаниям. Сам Пий вел безукоризненно аскетический образ жизни, требуя того же и от других.

После того как отец-эконом застал молодого монаха с юным златовласым послушником, жизнь сделалась абсолютно невыносимой. За содомский грех сам отец-настоятель наложил тяжелую пенитенцию на брата Дамиана, и только один час в день тот мог трудиться на открытом воздухе в монастырском саду. Все остальное время, с перерывами на трапезу, молитвы и сон, он был обязан прислуживать главному библиотекарю – старому отцу Франциску. Местом трудов брату Дамиану определили Малый библиотечный зал – мрачную темную палату, где содержались книги, запрещенные для чтения, но разрешенные к хранению. От духоты и книжной пыли у Дамиана слезились и болели глаза, краснели и напухали пальцы, першило в горле. Зато старика библиотекаря ничто не брало. Проведя всю жизнь среди древних свитков и огромных толстых инкунабул, отец Франциск сам сделался похожим на античный манускрипт. Последний раз, когда Дамиан уронил какую-то толстую старую книгу, а та от ветхости развалилась, старик так его избил кипарисовой палкой, что бедняга три дня потом мочился кровью и еле таскал ноги. А вчера в наказание за перепутанные книги, что вместо верхней полки оказались на нижней, отец Франциск заставил молодого монаха делать всю работу стоя на коленях. До самой вечерней трапезы.

А этой ночью брат Дамиан увидел ангела. Ангел явился к нему в образе прекрасного юноши и научил, как жить дальше и как поступить, чтобы изменить свою участь к лучшему. Ангел телесно облегчил плотские страдания молодого монаха и объяснил, что есть истинный грех, а что – нет и как зло может быть побеждено другим злом, а потом отмолено и искуплено покаянием. Теперь Дамиан думал, каким образом отомстить старому монаху. Конечно, это будет великий грех и тяжкое злодеяние, но Дамиан еще молод и отмолит содеянное.

Время работы под открытым небом закончилось, и брат Дамиан вернулся под пыльные своды монастырской библиотеки.

В тот день отец Франциск готовил к уничтожению еретические и богохульные книги, осужденные Святым престолом. С проклятых кодексов уже срезали обложки и связали веревкой, чтобы удобнее было нести на костер. Когда библиотекарь отлучился (видимо, по нужде), Дамиан быстро развязал узел и подменил часть книг. Из приготовленной к переплету стопы он выбрал несколько похожих по толщине и размеру кодексов и положил в кипу, предназначенную огню. Столько же приговоренных к сожжению книг молодой монах засунул в середину пачки, ожидающей нового переплета. Затем Дамиан снова завязал узел так же, как это делал отец Франциск.

Библиотекарь все не возвращался. Вот тогда Дамиан неожиданно понял, как еще сильнее отплатить старому монаху за все свои обиды и унижения, как избавиться наконец от наложенной кары. Для начала надо было добраться до верхней полки и достать оттуда одну старую пыльную книгу. Дамиан не мог взять лестницу: боялся, что не успеет убрать ее на место, а отец Франциск придет и все заметит. Поэтому он просто подошел к тяжелому дубовому стеллажу,

поставил ногу на одну из полок, подтянулся на руках, чтобы дотянуться до верхнего края, и уже ухватился за хранящийся там старый кодекс, как вдруг почувствовал, что опора теряет устойчивость. Огромный стеллаж, казалось, крепко стоявший тут с начала времен, вдруг медленно отклонился от стены...

Последняя мысль брата Дамиана состояла в том, что он может попасть в Ад, погибнув под тяжестью стеллажа без всякого покаяния и отпущения своих грехов...

1. О вреде воспоминаний

Париж. Февраль. Наши дни.

Вообще-то особых колебаний, записывать ли данную историю или нет, не возникало. Трудность состояла в другом: своими глазами я видел только часть. Отрывки. Именно эти места и написаны от первого лица. Остальное пришлось восстанавливать по рассказам знакомых, свидетелей и случайных участников. Но, как часто бывает в таких случаях, мои записки страдают субъективностью – иного выхода просто не оставалось. Кое-чем помогли разные документы, так или иначе оказавшиеся в моем распоряжении. Часть эпизодов приходилось реконструировать, часть – реставрировать по кусочкам, воссоздавая мотивы поведения и мысли некоторых персонажей, которых по ряду причин я не мог опросить лично. При всей кажущейся фантазмагоричности изложенных событий все написанное здесь – правда. Вернее, та правда, которую знаю я.

К непосредственному началу подтолкнула моя давнишняя подружка Елена после одного не относящегося к делу разговора.

Мы сидели тогда за столиком в нашем любимом кафе на бульваре Сен-Жермен. Я макал свежие поджаренные гренки в чашку с какао и с удовольствием разглядывал утренний Париж за окном. Солнце уже начинало понемногу пригревать, и стало так здорово, что захотелось забыть обо всех сомнениях, закрыть глаза и замурчать от наслаждения.

– Чего такая мрачная сегодня? – спросил я, глядя на синие круги под глазами своей подруги. – Смотри, какое сказочное утро!

– Да так... не обращай на меня внимания.

– Как это, не обращай? – не отставал я. – Нет, ты скажи мне: ничего не болит?

Мы не встречались уже долго. Очень долго – два года. Так получилось, так распорядилась жизнь. И когда оба поняли, что уже не можем друг без друга, то оказались в нашем старом любимом кафе, чудом уцелевшем после недавней «перестройки», затеянной городскими властями.

– Да нет, тут совсем другое... Сон мне сегодня приснился, нереально страшный. Причем уже не первый раз. Он повторяется. Мне снилось, что я поднимаюсь по лестнице в своем доме, вдруг меня начинает преследовать какое-то омерзительно-ужасное существо с кнутом в руке. Мне становится невообразимо жутко, и я бегу вверх по лестнице, на свой этаж – там спасение. Но – нет! На моем этаже, в холле, вдоль всех стен расставлены горящие свечи, а на полу начертана пентаграмма. Все похоже на подготовку к некоему мрачному обряду или ритуалу. В центре пентаграммы какой-то черный камень или алтарь, а возле него стоит некто, закутанный в темное облачение. У этого темного человека в руке блестит меч. А я продолжаю слышать, что за мной кто-то движется. Я бегу, бегу дальше, на лестницу с другого крыла, там пусто, и меня охватывает чудовищный страх, и он не проходит, а только усиливается. Такое фантастическое ощущение, мне его даже сложно сейчас описать. Этот сон приходит ко мне уже второй раз, причем повторяется в деталях, но с некоторыми вариациями. Я уже пыталась пробить в соннике «кнут, меч, свечи, лестница», но удобопонятного объяснения найти не смогла. Что может означать такой сон?

– Ничего он не может означать. Это так называемый гипоксический сон: когда в мозге не хватает кислорода, то снятся всякие гадости, страсти и ужасы. Дышать становится тяжело, начинается причудливая работа кислородоголодающего мозга – отсюда и кошмары. Окно открывай на ночь. Тогда будешь спать хорошо, долго и счастливо. Точно тебе говорю. Знаешь, как поднять настроение на весь оставшийся день? Надо пойти в любимое кафе и вкусно позавтракать, любуйся видами Парижа и слушая свежие сплетни.

– Что мы и делаем, – согласилась Лена. – Ну, ты меня успокоил, а то я вдруг подумала, что все опять начинается заново.

– Кстати, у меня к тебе вопрос. Может, вспомнишь? – спросил я, игнорируя ее намек на «опять начинается». – Этот сюжет, по-моему, где-то уже проходил. А вот где, не помню... может, в фильме, книге или еще где... История примерно следующая: некая богатая фирма построила замок-аттракцион. Все очень круто и дорого, с претензией на реконструкцию прошлого. Там всякие навороты и современные высокотехнологичные спецэффекты, но все спрятано от глаз, а антураж – как в старинном средневековом замке. И вот вдруг начинают прорываться разные явления, программой и схемой не предусмотренные... Что-то такое уже было, не припоминаешь?

– Виктор, ты лучше мне вот что скажи, – спросила она вместо ответа, – неужели тебе не надоела та история, что ты уже второй год таскаешь в своей в голове? Неужели не хочется выплеснуть все это на бумагу? Скоро напишешь про все?

– Про что – «про все»? – не понял я в первый момент. Минуло два года, воспоминания затянулись и зарубцевались, как послеоперационный шов. Другой город, другая страна, другой язык – все это способствовало забыванию.

– Про ту позапрошлогодную московскую историю, – пояснила моя подруга.

– Полагаешь? Ладно, сегодня же и начну... нет, лучше завтра. На сегодня есть другая идея, и ты сможешь ее осуществить!

– Это ты о чем? Хочешь обратиться ко мне с нескромным предложением?

Задав свой вопрос, Елена посмотрела на меня вопросительно и пристально, а я только и смог что сказать в ответ:

– Да, но не сейчас, – задержался я. – Сначала мыждемся вечера, потом поужинаем... Потом немного пройдемся, а уж после... А вот завтра же я начну писать всю ту мистическую чушь, что привиделась мне пару лет назад. Ну не могу же я серьезно верить во все это?! Ты не согласна?

– Не согласна, – разочарованно повторила моя подруга. – Ты не веришь потому, что не желаешь верить. Глядишь на мир со стороны ограниченного прагматика и циника. Вообще хочу тебе сказать, что сейчас ты слишком много переворачиваешь с ног на голову. Смотри на все шире. И легче! Ты видишь только то, что хочешь знать, или то, что тебе показывают, но ведь это глупо – сознательно ограничивать зону видимости. А запудрить мозги могли и как-нибудь проще. Без всей этой мистики. Поэтому – пиши.

– Ненавижу чистые страницы, они вгоняют меня в тоску.

– Тоже мне Стивен Кинг нашелся! – засмеялась она. – Но я же вижу, что у тебя руки чешутся. А то давай я! Думаешь, не смогу?

– Сможешь, почему нет?.. Считаешь, заслуживает внимания? Может, не стоит? Все равно никто мне не поверит, – неохотно возразил я, ибо лукавил: мне очень хотелось об этом написать.

– Вот и хорошо, что не поверят! Пусть считается фантастикой. Так даже лучше, – не отставала Елена. – Написать можно все что угодно. Когда-то, давным-давно, жил-был один немец, известный под псевдонимом Гуттенберг. Так вот, сей почтенный муж изобрел отличную штуку: при помощи печатного станка мир получил много знаний, но приобрел и великие печали. Мы в нынешнем мире желаем существовать свободно, употреблять все его блага и обмениваться самыми изумительными идеями, сегодня – странными, а завтра – общими. Мне по душе критерий, который выбрал себе Пушкин. Когда кто-то спросил его мнение о «Путешествии из Петербурга в Москву», он ответил, что творение сие написано без любви. Текст можно посвятить самым низменным или самым высоким идеям, но, написанный с любовью к человеку, он делается благородным.

Закончив эту многомудрую тираду о любви к какому-то абстрактному человеку, она встала и пошла к выходу. Я расплатился и последовал за ней. А уже вечером мы направились в одно из известнейших кабаре со стриптизом, куда уже давно хотели попасть, но никак не удавалось, а тут вдруг неожиданно повезло. После этого продолжали осуществлять мою идею дома, и только на другой день я начал набивать текст, что сейчас располагается пред вами. Я также включил сюда несколько документов, которые имеют прямое, на мой взгляд, отношение к сути.

2. Лифт – благородное дело

Москва. Двамя годами раньше.

Антон Михайлович Карпов, пожилой профессор, долго стоял и смотрел в сторону улицы. Его худой, сутулый силуэт неподвижно темнел на синем фоне вечернего окна. В конце первой декады января сумерки в Москве наступают рано – в окнах домов уже загорался свет, а вдоль улицы включали фонари. Мысленно профессор возвращался к событиям нынешнего дня.

День выдался неприятный. Заседание кафедры прошло как-то смято и схематично. Зато в конце возник крупный скандал – профессор не сдержался: виноват был заведующий. Завкаф опять нес какой-то бред, давал всякие нелепые указания, никому ненужные поручения и долго жевал банальщину. Но не то взбесило профессора. К таким разговорам он давно привык и сорвался не поэтому. Его крайне возмутило, что начальник пытался пропихнуть Буланову – свою недавнюю аспирантку – на освободившуюся вакансию старшего преподавателя, что, вообще-то, было нонсенсом. Когда дело дошло до голосования, профессор уже во второй раз за этот учебный год не утерпел, высказав все, о чем думает, что уже наболело. И про заведующего, и про его малограмотную протезу, и про стиль руководства, сделавшийся сегодня нормой жизни. Самое обидное, что этой девчонке преподавание вообще ни к чему – ей просто надо зацепиться в Москве и окрутить какого-нибудь обеспеченного хорошей жилплощадью жителя Белокаменной. Ни для кого не составляло тайны, что руководитель кафедры не только сделал диссертацию своей любовнице, но и написал за нее все статьи – его протезу не то что писать, говорить-то нормально не умела. В слове «компетентность» вставляла лишнюю букву «н», «конъюнктура» произносила без оной, а «трамвай» выговаривала через «н» вместо «м». Она совсем не умела правильно использовать падежи и склонения, а ее бесконечные «о том» стали уже темой кафедральных шуток и анекдотов. «По-моему, – подумал Антон Михайлович, – преподавателям вообще надо запретить использовать предложный падеж. Под страхом увольнения».

О вероятном увольнении Антон Михайлович вспоминал сейчас очень часто. Еще в начале семестра он не сильно беспокоился – считал, сократить его просто не смогут: как-никак мировая величина, единственный в университете специалист по исторической семиотике. По его учебникам занимается не первое поколение студентов, а все его монографии переведены на многие языки. Профессор ошибался. Проблема заключалась в другом: сам его курс – «Семиотика» – могли просто ликвидировать, а часы отдать какому-нибудь экономисту или правоведа. Завкаф потом прозрачно намекал, что этот год еще дадут закончить, а вот со следующего семестра, возможно, уважаемому профессору Карпову придется искать себе другое место работы.

А разыскивать новое место в семьдесят лет сложно. Профессор никогда не любил руководить людьми, карьеристом не был, поэтому не имел никаких официальных административных постов. Кто возьмет на работу сотрудника хорошо пенсионного возраста? Да хоть бы даже и профессора с мировым именем? Мало кто, разве что какой-нибудь захудалый пединститут, высокомерно присвоивший себе громкое звание «университет». Правда, были еще разные частные университеты, в одном из которых профессор Карпов даже отбарабанил пару лет – читал курс культуры речи. Но то, что там происходило, Антону Михайловичу категорически не нравилось, и он ушел, несмотря на вполне хорошие деньги. Идти в Академию наук? Совсем уныло – проще уж собирать милостыню на паперти.

Чтобы как-то отвлечься от минорных мыслей, Антон Михайлович взял с полки свою последнюю игрушку – папку с рукописью новой монографии. Будущая книга называлась «Система символов в европейской демонологии» и представляла собой многолетний труд, результат работы за предыдущие тридцать лет. Нельзя сказать, что Антон Михайлович все годы

занимался только этим. Вовсе нет! За три десятилетия он выпустил четыре учебных пособия, три монографии и множество статей. Но эта его любимая работа все никак не подходила к завершению. Постоянно что-то мешало. В советские времена публиковать такую книгу было долго и сложно, вдобавок не хватало материала, да и работа казалась еще сырой. Потом возникли всякие иные трудности – стало уже не до науки: люди откровенно голодали и стремились хоть как-то выжить. Позднее, в постперестроечное время, в которое напечатать могли что угодно, когда угодно и где угодно, во весь рост встала финансовая проблема. Для популярных издательств сугубо монографическая книга, написанная сухим академическим языком, никакого интереса не представляла. Профессору (давно уже профессору) предлагали ее урезать и сделать более популярной, с чем он никак не мог согласиться. Научные же издательства требовали полной оплаты своих услуг, а денег на книгу ни у кого не находилось. Антон Михайлович, однако, времени зря не терял, постоянно дорабатывая и совершенствуя свой научный труд. Когда открыли границы, он по приглашениям западных коллег объездил чуть ли не все европейские университеты и научные центры. Профессор был просто счастлив: обилие информации и превосходное качество европейских библиотек и информаториев опьяняло и завораживало.

Но такое счастье продолжалось недолго, и профессор сам не заметил, как надвинулись новые напасти. Сначала его подавило само обилие ставшего доступным материала, но с такой «бедой» он совладал быстро. А затем, как-то исподволь и постепенно, подкралась старость. Это несчастье стало уже настоящим, со всеми положенными по статусу атрибутами: сердечной недостаточностью, близорукостью, проблемами с памятью и дряблостью кожи. Кроме того, как свита королеву, старость сопровождал целый набор хронических болезней, о существовании которых Антон Михайлович раньше даже не догадывался.

Болезни дополнялись одиночеством. Уже очень давно профессор жил один в своей приватизированной трехкомнатной московской квартире, куда некогда переехал из Петербурга после смерти отца. Когда Антон Михайлович овдовел: жена умерла от рака в сорок лет – то с головой ушел в работу. Правда, во Франции оставался взрослый сын, но после похорон со своим потомком профессор практически не общался, на что были особые, не относящиеся к делу причины. Только редкие случайные звонки по телефону и поздравления ко дню рождения – вот и все их контакты. Первое время один-два раза в неделю, стесняясь и прячась от соседей, он приводил к себе домой случайных женщин. Но потом и от этого отвык, полностью сублимировавшись на научной и преподавательской деятельности. Он много чего добился на этом поприще, но его «Система символов...» по-прежнему лежала в рукописи. И вот наконец, в самом начале осени, был подписан договор с одним из серьезных издательств – Антон Михайлович получил президентский грант на издание книги.

Задумчиво просматривая отдельные листы распечатанного оригинал-макета, Антон Михайлович остановился на страницах с символами для вызова дьявола. Разложив их, он вдруг с удивлением заметил, что именно таким образом один из средневековых авторов рекомендует вызывать Сатану. Правда, для всей полноты обряда необходимо было произнести довольно сложное заклинание, и профессор механически стал выговаривать вслух латинские слова. Это «заклинание» он случайно нашел в библиотеке столичного капитула в Праге, где проторчал все лето двухтысячного года, изучая средневековые рукописи. Вопреки распространенному мнению, все древние манускрипты Европы давно уже каталогизированы и помещены на спецхранение, поэтому посетителям предоставляют только микрофильмы или электронные копии. Именно с такими данными и работал профессор. Слова упомянутой латинской формулы он увидел в подшитом к книге Ансельма Лаонского фрагменте какого-то неизвестного сочинения, что часто бывало в средневековых кодексах.

Когда задребезжал телефон, Антон Михайлович не успел выговорить все слова. Привычным движением он взял трубку и автоматически произнес:

– Алло!

– Здравствуйте, Антон Михайлович! Помогите!

– Коля? – риторически спросил профессор. – Добрый вечер. Что там у вас стряслось?

– Да, это я, – звонил его аспирант Коля Латников. – Антон Михайлович, у меня проблема!

«Вот черт, вечно этот школяр не вовремя», – подумал профессор, а вслух сказал:

– Ну и что у вас на сегодня?

– Антон Михайлович, помогите, только вы можете! – снова повторил аспирант с просительной интонацией. – Где узнать, начиная с какого века издания латинской Библии стали включать в себя комментарии Николая Лирского?

– Ну... э-э-э...

– Весь Интернет облазил, не нашел! – сокрушался Латников.

– Ну, друг мой, такие вещи знать надо! – ворчливо, но по-доброму сказал профессор. – Интернет он облазил! А по библиотекам нам ходить уже некогда? В четырнадцатом веке, конечно! Странно, что вы не нашли, может, не так искали? Кстати, когда вы... э-э-э... прине-сете мне статью про Павла Брюжского и его «Дополнения»? Все мыслимые сроки уже закончились!

– Антон Михайлович, простите! Я же как раз вот над этим сейчас и работаю! В пятницу будет. Точно!

– Ладно, поверю вам на слово. Но не затягивайте, а то не успеем к третьему номеру журнала. Пятница – крайний срок! У вас апробация на май назначена, а вы еще даже не закончили свою диссертацию. Вам же еще последнюю главу писать и заключение. Все со статьей по герменевтике возитесь! Вот затынете – до осени будете ждать! – сказал профессор, а про себя подумал: «А осенью неизвестно еще, кто у вас будет руководителем».

Дослушав сумбурные обещания нерадивого аспиранта, Антон Михайлович повесил трубку и, по-стариковски шаркая тапочками без задников, пошел на кухню, чтобы сварить себе овсяную кашу на ужин. После смерти жены он питался невзыскательно, но калорийно и по диете. Как недавно резюмировал его врач и старинный друг Соломон Маркович Лурье: «Тебе, Антуан, сейчас нужно думать не столько о душе, сколько о здоровье, поэтому так скажу – диета, правильный образ жизни и дозированные физические нагрузки. Витамины пей американские. О лекарствах, что я прописал, тоже не забывай. Через полгода увидимся». Только подойдя к холодильнику, профессор все вспомнил и чертыхнулся про себя. Расстроенный кафедральными дрязгами, он совсем забыл купить себе еды. И если на ужин еще что-то можно сообразить, то утром пришлось бы идти в магазин на голодный желудок. А уж таких издевательств над собой Антон Михайлович точно не мог позволить. Да и друг Соломон не велел.

Еще раз чертыхнувшись, профессор пошел в прихожую, оделся и направился за продуктами. К его удивлению, ни очередей, ни вероятного вечернего дефицита в ближайшем продуктовом не наблюдалось, и минут через пять, полностью отоваренный, Антон Михайлович шел домой, неся приятно тяжелый пакет с покупками. Профессор был высок ростом, поэтому с возрастом стал немного горбиться. Войдя в подъезд, он машинально проверил почтовый ящик и поднялся на несколько ступенек к лифту. Там уже стояла какая-то незнакомая молодая девица, что не казалось особо удивительным: квартиры в доме все время продавали, покупали и сдавали. Кто-то к кому-то приходил в гости, и незнакомые физиономии мелькали постоянно. Антон Михайлович знал только соседей по своему этажу, а также сверху и снизу.

– Вам какой этаж? – спросил он, входя в лифт.

– Двенадцатый.

– Мне тоже, – недовольно буркнул старик и нажал кнопку.

Стоя в поднимающейся вверх кабине, профессор смог рассмотреть свою попутчицу поближе и повнимательнее. На вид девушка выглядела лет на двадцать. Она даже чем-то понравилась Антону Михайловичу, и первоначальное раздражение от присутствия в лифте незнако-

мого человека практически улетучилось. У нее оказались чистая, удивительно гладкая кожа и правильные черты лица. Слегка припухлые губы, высокие скулы, чуть вздернутый короткий носик, большие глаза и длинные ресницы. Вполне обычное лицо. Красивое, да, но ничего особенного. Длинные светлые волосы собраны в «хвост», рост – не выше среднего, одета в белую «дутую» синтепоновую куртку до пояса и синие лямельные джинсы. На ногах ботинки с толстой подошвой. Внезапно Антон Михайлович заметил, что девушка чем-то смертельно обозлена и просто в отчаянии. Зеленые глаза смотрели сердито, волосы выглядели влажными, казалось, она прикладывает все силы к тому, чтобы не закатить истерику прямо в кабине лифта. Старик на минуту даже забыл о своих проблемах, разглядывая девушку. Она показалась ему такой хрупкой, а в ее глазах была такая злоба, что ему захотелось подойти к ней вплотную, надавать пощечин и сказать: «Ты – молодая красивая девка, у тебя вся жизнь впереди, так чего ты злишься? На что сердиться? Живи, пока молода!» Еще он подумал, что лет сорок назад обязательно бы плотно занялся ею в сексуальном плане и не прошел мимо. «Наверное, в гости к кому-то из соседей», – постановил профессор.

3. К вопросу о сокращениях

Профессор ошибся. Как только двери лифта раскрылись, девушка сказала:

– А я к вам, Антон Михайлович.

«Ну вот! Не иначе мой начальничек какую-то студентку прислал!» – заподозрил профессор. Своего теперешнего начальника, заведующего кафедрой, он знал еще как студента – жуткого бездельника, лоботряса и сачка, избегавшего академических задолженностей лишь благодаря природной наглости и влиятельному папаше.

– А вы кто? Вас с кафедры прислали? Откуда у вас мой адрес?

– Нет, я из другого ведомства, – странно усмехнулась попутчица. – Вы же сами меня позвали, помните?

– Что-то не припоминаю такого, – не слишком любезно ответил Антон Михайлович. – Не освежите мою память? А то она в последнее время стала меня подводить.

– Ну что вы, Антон Михайлович, вашей памяти многие студенты позавидовать могут.

– Зайдете? – профессор отпер квартиру и только тогда понял, что предлагает войти в свою квартиру совершенно неизвестному человеку – какой-то неведомой девице с улицы.

– Спасибо. Вас не смущает вечерний визит незнакомой девушки?

Тем временем Антон Михайлович захлопнул входную дверь, включил свет, но снимать пальто не торопился.

– Да, если честно, – ответил он, – удивляет, скажем так. Вы говорите, что пришли из...

– Я пока не говорю, откуда я, – невесело улыбнулась она. – Мой ответ может вас поразить.

– Только, пожалуйста, не говорите, что вы – воплощение Дьявола и я вас тут случайно вызвал, ненароком пробормотав древнее заклинание, – попытался пошутить профессор.

– Куда уж мне! Но идею вы уловили верно.

– В смысле – верно? – общаясь со студентами, профессор невольно нахватался их жаргона и разговорных манер.

– Я сейчас – ваш персональный ангел-хранитель. Называйте меня Габриель. И я должна вам сделать предложение, от которого вы не сможете отказаться, как говорил Дон Корлеоне.

Девушка вдруг перестала нравиться Антону Михайловичу. Он почему-то испугался, и тут же ему стало стыдно за свои слова. Что о нем подумает эта девчонка?..

– По-моему, шутка затянулась, и мне кажется, что вам пора. Не считаю далее возможным отягощать вас своим обществом, – церемонно проговорил профессор и хотел уже открыть дверь, как девушка его остановила.

– Пойдите... Я понимаю, для вас звучит нелепо и дико... ну ладно. Вы помните, как выглядит лестничная площадка за вашей дверью? Помните? Тогда – смотрите!

С этими словами девушка резко распахнула входную дверь. В первый момент у Антона Михайловича перехватило дух, и мелькнула безумная мысль, что на лестнице кто-то успел поставить софиты для съемок кинофильма. Похлопав близорукими глазами, Антон Михайлович зачем-то вытащил из кармана и надел очки, но был вынужден признать, что никакой лестничной площадки там нет.

Вместо привычной лестницы прямо за дверным проемом простиралась залитая ярким светом бескрайняя равнина. Кипела битва. До самого горизонта тысячи или даже миллионы воинов схлестнулись в жесточайшем сражении, и смерть собирала здесь свою обильную жатву... А на переднем плане убивали захваченных пленных. Лес из воткнутых в грунт кольев постепенно обогащался заживо насаживаемыми на них светлыми крылатыми существами. Слышались отдаленный шум боя и близкие стоны. Казнимые медленно вращались на своих кольях, а их сломанные, измочаленные крылья описывали круги, волочась по земле. Какие-то одетые в черную кожу и железо создания с гиканьем отсекали эти крылья мечами...

Габриель захлопнула дверь, и они с профессором снова оказались в его прихожей.

– Там, в моем мире, уже много сотен земных лет идет война, – сказала девушка. – Мы бьемся за Жизнь, а они – за Смерть. Сейчас у вас эти понятия затерли и опошили, что не снимает проблемы. Они ненавидят вас, людей, и стремятся уничтожить. А мы... Если я скажу, что мы хотим счастья для тех, кто того заслуживает, то это прозвучит лицемерно, напыщенно и фальшиво. Лживо. Короче – людям мы помогаем... иногда. Но временами битва прорывается на Землю, и тогда здесь начинаются бедствия и несчастья, уносящие миллионы человеческих жизней. А мы этого не хотим.

– А что могу я? – сказал профессор деревянным голосом.

– В случае выхода вашей книги тысячи людей перейдут на сторону Мрака и Смерти, и Землю мы потеряем. Да, может быть, эти тысячи и получают что-то для себя лично, но миллионы, миллиарды жизней превратятся от этого в сплошную муку. На Земле наступит настоящий Ад. У вас произойдут катаклизмы, войны и катастрофы.

– Почему?

– Потому что станет намного хуже, чем сейчас, – просто сказала девушка. – Мы всеми силами скрывали и прятали этот текст. К сожалению, он не может быть окончательно уничтожен, такова уж его природа. Но сейчас его нашли вы и теперь хотите опубликовать. Много раз мы тормозили и задерживали публикацию, а наши враги, наоборот, помогали ее осуществить. Ситуация напоминала перетягивание каната, когда противоборствующие стороны практически равны, и при этом никто не может взять верх. Но вот недавно мы дали небольшую слабину, и благодаря вам доступ к данному тексту и этим знакам получают все. Этого категорически нельзя допустить.

– Предположим, что почему-то я вам верю. Только предположим! И уничтожаю свою книгу, тогда вы...

– Мое предложение состоит в следующем. Я торможу вашу старость... вернее, прекращаю ее развитие. Вы живете еще долго, лет сорок, и живете активно: болезни ваши я тоже останавливаю. Извините, но молодость вернуть невозможно. За это время вы сможете опубликовать не один труд, осуществить множество исследований, но рукопись вашей «Системы символов...» и все материалы к ней придется уничтожить. Причем сделать это должны вы сами, своей рукой.

В дверь позвонили. Забыв даже посмотреть в глазок, Антон Михайлович повернул ключ и открыл. Он потом долго удивлялся своей неосторожности – обычно он вообще не открывал дверь без предварительной договоренности. И еще его изумляло впоследствии: почему он запер за собой дверь, а Габриель свободно ее открыла? И почему потом дверь оказалась все равно заперта?

За дверью стояла молодая яркая брюнетка. Девушка выглядела ослепительно красиво. На ней были тяжелые высокие сапоги на толстой грубой подошве, черные обтягивающие кожаные штаны с чересчур заниженной талией и сверкающий металлом пояс. Картину дополняла короткая черная куртка из кожи, украшенная обилием железных пряжек с изображением каких-то inferнальных чудовищ. Между нижним краем куртки и поясом проглядывала полоса загорелой талии. Головного убора не имелось вообще – блестящие черные волосы рассыпались по плечам. Девушка напоминала бы топ-модель, если бы не превосходно развитая для женщины мускулатура и отсутствие худобы, так популярной на нынешних подиумах. Ростом она доходила профессору до подбородка.

– Добрый вечер, профессор. Называйте меня Лили. Позвольте войти? Не через порог же нам с вами разговаривать.

– Это сокращение от Лилит? – усмехнулся своей шутке Антон Михайлович, пропуская гостью в прихожую. Только сейчас он заметил, что Габриель куда-то исчезла.

– Ну зачем нам такие официальности? – улыбнулась девушка. – А к вам уже приходила Габи, я смотрю. Ха, и что тут она вам напредлагала? Излечиться от всех ваших хворей?

– Вы знакомы?

– Еще бы! Так что она намеревалась вам всучить? Секонд-хенд третьей свежести? Я же хочу предложить возврат молодости – то, чего не может дать Габи. Вернее, не хочет. Вы помолодеете, лет этак на сорок, и станете выглядеть на тридцать. Причем в таком сравнительно молодом облике проживете до ста двадцати. А потом – извините уж... да. Так вот, от меня вы получаете первоклассный товар, а не заплесневевшую дешевку с истекшим сроком годности.

– А за это я должен продать душу, скрепив договор кровью? Так, что ли?

Брюнетка заразительно засмеялась, показав ослепительно-белые зубы, как на рекламе зубной пасты.

– Да бросьте вы! Какой договор, вы о чем? Зачем? Если вы согласитесь, то и так будете в моей власти, а все они сразу же отступятся от вас. Но вы не прогадаете! Если вы еще и станете активно сотрудничать со мной, то продлевать вашу жизнь я смогу сколь угодно долго! Ну а вы, пока продолжите со мной работать, конечно, будете раз в десять лет менять имя, документы, местожительство... а то народ начнет как-то странно смотреть в вашу сторону. Зачем порождать ненужные слухи? Но согласитесь: по сравнению с тем, что вы получаете, цена смехотворна.

– А подумать?

– О, обязательно. Такие решения нельзя принимать второпях. Десять минут – вас устроит? Этого вполне достаточно. В конце концов, мое предложение – это моя добрая воля. Да, и еще. Если мы с вами придем к обоюдному соглашению, я раскрою вам такие кладези знаний, что вам и не снились! Вы получите доступ к самым тайным библиотекам и секретным архивам, о чем не могли и мечтать. Габи никогда не сможет дать вам ничего подобного! А что она вам тут наговорила? Что ваша книга откроет врата Ада? Что наступит Конец Света?

– Ну, не совсем так...

– Ага! Узнаю этот обычный ее приемчик! Рассказать смертному, что от него зависят судьбы Мира и в его руках жизнь Вселенной! Да бросьте вы! Допустим, прочитают вашу книгу несколько человек или даже несколько тысяч, что невозможно! Ну встанут из них пять процентов на путь истинного знания. И что? Да ничего! Они только и получают, что небольшое преимущество перед своими соплеменниками.

– А как же тысячелетняя война?

– Вам-то какое до этого дело? Это – наша война и только наша битва.

– Эта война иногда прорывается в наш мир...

– Так вам сказала Габриель? Не берите в голову, это все ее выдумки и фантазии! Ваши войны – ваши дела, и только. Если кто-то когда-то с нашей стороны и помог, то лишь опосредованно. Да и не надо нам этого! Нам нужны новые бойцы! Мы должны найти среди них нужных нам соратников. Воинов! Вы же знаете, я тоже когда-то была смертной девушкой, но это было так давно, что я уже и не помню, когда именно...

– А если я просто откажусь? – произнес профессор. – От обоих ваших предложений? Не люблю я, знаете ли, когда на меня давят и ставят в тупик.

– Вот это уже будет совсем глупо с вашей стороны и недостойно такого ученого. Что вас ждет в ближайшем будущем? Вы знаете, что у вас аденокарцинома? Третья стадия? Метастазы уже появились. Если даже срочно сделать операцию, то при самом благоприятном исходе вы протянете еще лет пять. Но в вашем возрасте сие весьма проблематично – может сердце не выдержать или тромб оторваться. А если ничего не делать, то год-полтора, если повезет. Не более. Причем я уже не говорю, что в последнее полугодие вы можете забыть о всякой работе.

– Да? – только и мог выдавить из себя профессор.

– Да. А что вам даст Габи? Остановит развитие опухоли и ее метастазов. Затормозит аденому простаты и эмфизему с астмой. Застопорит глаукому с катарактой и все остальное. Там еще много всего разного: стенокардия, склероз, остеопороз... артриты, артрозы, нефроптоз, диафрагмальная грыжа, камни в почках и желчном пузыре... Но это уже так, мелочи. Все это она задержит лет на сорок, но не излечит! А я предлагаю вам полноценную, здоровую, а главное, молодую и долгую жизнь! Жизнь! И вы еще о чем-то там думаете?

Но профессор не успел подумать. В этот момент раздался звук, более всего похожий на шум от проткнутой автомобильной камеры. Профессор вздрогнул и обернулся: со стороны кухни двигалась Габриель. Девушка пригнулась, вся как-то собралась, черты лица ее были искажены яростью, а в руках сверкал длинный яркий меч. Профессор так и не понял, светился меч сам или просто ярко блестел, потому что почти сразу стены тесной прихожей куда-то расступились, разошлись и растаяли. Все втроем оказались на совершенно пустой равнине, идеальной плоскостью уходящей к абсолютно ровному горизонту. Над головами сияло белое однородное небо без всякого намека на солнце и облака. Обе девушки, блондинка и брюнетка, кажется, совсем забыли об Антоне Михайловиче, сосредоточившись исключительно друг на друге. Габриель поигрывала мечом, а у Лили в руках появился длинный и хлесткий черный кнут.

– Ты предлагаешь мне драться? – насмешливо спросила Лилит, поигрывая кнутом.

– У меня нет выбора, Ли. Ты используешь запрещенные приемы, а в ответ я могу применить только силу.

– А силенок-то у тебя хватит, Габи? – язвительно осведомилась брюнетка. – Я же перебыю этот клинок одним взмахом!

В качестве подтверждения своих слов Лилит ударила хлыстом, по которому побежала волна, закончившаяся громким сухим хлопком, похожим на пистолетный выстрел. В ответ Габриель крест-накрест взмахнула мечом, со свистом разрубая воздух.

– А ты попробуй! – насмешливо сказала она. – Это я перерублю твою плетку единым ударом. Ты бы еще мухобойку взяла! Или твой любовник ничего лучшего тебе не доверяет? А может, опасается, что ты ненароком ему отрубишь что-нибудь важное?

– Заткнись, швабра драная! Иначе шею скручу тебе так, что будешь видеть только свою собственную задницу! Я ж тебя сейчас до хребта перешибу!

– Ха! А тебя, стервочка, я порежу на ломтики! Нашинкую!

– Сука! – сквозь зубы процедила Лилит. – Что-то за последние шесть тысяч лет это еще никому не удавалось. Зато кто-то крылышки терял! Сколько уже раз?

– Кто бы говорил! – парировала Габриель. – У кого-то проблемы с памятью? Или этот кто-то уже позабыл, как ему отрубали хвост? Уже не отращивается? Или боишься? А может, вместо него ты теперь ходишь с этой плеточкой?

– А ты без своего ножичка вообще ничто! Детка, ты же скоро прыщами от зависти покроешься!

– И не мечтай, это лишь твоя привилегия.

– Нет, моя дорогая, – нехорошо усмехнулась брюнетка. – На меня серная кислота не действует, зато твоя рожа покраснеет и покроется волдырями. Вот тогда я и повеселюсь.

– Засунь свое мнение глубоко в собственную задницу! – рявкнула блондинка. – Пока это еще не сделала я.

– Детка, да что ты собой представляешь без своего ножика? Полный ноль. У тебя напрочь отсутствуют внешность и какие-либо достоинства, ты даже нормально постоять за себя не можешь!

– А у тебя нет ни своего вкуса, ни стиля, – сразу же среагировала Габриель. – Так, некое подобие чего-то, старающееся косить хоть подо что-нибудь.

В ответ Лилит зашипела, как загнанная в угол кошка, и резко ударила хлыстом. Профессор даже не увидел взмаха, услышал только звук. Габриель издала возглас и молниеносно рубанула своим мечом, удар которого был тут же парирован кнутом Лилит.

И тут произошла странная вещь: меч вместе с обмотавшимся вокруг него кнутом отлетел в сторону от дерущихся и упал в шаге от Антона Михайловича. Повинуясь скорее инстинкту, чем разуму, профессор шагнул и наступил на эту связку, встав одной ногой на кнутовище, а другой – на эфес меча. Тогда же прозвучал двойной крик: голоса брюнетки и блондинки слились в один общий вопль.

– Вот что, красавицы, – вдруг проговорил необыкновенно твердым голосом Антон Михайлович, когда совместный вопль утих. Откуда только что взялось? – Вы сейчас доставляете меня домой, и я внимательно рассматриваю оба ваших предложения. И не десять минут, а сутки. Время, как я понял, вполне терпит. Вот завтра и поговорим на свежие головы. А вы за двадцать четыре часа приведете себя в порядок, и мы спокойно все обсудим. Только без этих ваших спецэффектов, душераздирающих сцен и каскадерских трюков. Не надо!

4. Тонкости мастерства

...Туман рассеялся, и профессор увидел себя стоящим в прихожей собственной квартиры. Одной ногой он по-прежнему подпирал рукоять кнута, а другой – эфес меча. Меч уже не светился – это было очень красивое оружие, но вполне материальное, и ничего сверхъестественного в нем не наблюдалось. Рядом с мечом лежал длинный, чуть больше полутора метров, черный хлыст, сделанный из какого-то эластичного высокопрочного материала. Не меньше пяти сантиметров в окружности, он далее сужался, постепенно сходя на нет.

Только сейчас Антон Михайлович заметил, что так и не снял пальто. Первое, что он сделал, – это подобрал с пола кнут, аккуратно взял меч, как будто боялся упустить его, и отнес их в свою спальню, бережно положив на кровать. Потом он наконец разделся, кое-как запихнул в холодильник продукты, все еще лежавшие в пакете перед кухонной дверью, и только тогда рухнул в кресло...

Вопреки ожиданиям спал профессор крепко и хорошо. Даже не просыпался ночью, чего не наблюдалось за ним уже лет, наверное, тридцать. Прошедшие события казались бы бредом и галлюцинацией, если б не наличие вполне реальных трофеев в качестве доказательств. Хотя, может, и кнут с мечом ему мерещатся? До сих пор?

Тогда профессор позвонил своему другу и коллеге, которого беспокоил сравнительно редко, тоже историку, но прекрасному специалисту по старинному и современному холодному оружию, Ираклию Петровичу Бараташвили. Антон Михайлович попросил его бросить все дела и срочно приехать. Тот долго отнекивался, приезжать не хотел, задавал разные вопросы, ссылался на занятость, самочувствие и домашние дела. Но Антон Михайлович убедил его, не вдаваясь, впрочем, в тонкости и детали. На конкретные вопросы он старался не отвечать: был тверд, обещая все разъяснить при личной встрече.

Заинтригованный оружейник приехал через час. Ираклий Петрович был высоким плотным мужчиной, к которому никак не подходил эпитет «старик», хотя он давно уже разменял седьмой десяток: грузинские прародители, гены горцев давали о себе знать. К тому же оружейник держал форму – летом бегал, зимой ходил на лыжах, да и с прекрасным полом отношения никогда не прерывал. Несмотря на грузинские имя и фамилию, Ираклий был коренным москвичом, как и несколько поколений его предков, жил в России и практически не говорил по-грузински. Он долго и с интересом вертел в руках меч, показанный Антоном Михайловичем. Рассматривал в мощную лупу, как-то странно поворачивал, близко подносил к свету, щелкал ногтем, слушал...

– Слушай, откуда ты взял это чудо, Антон?! – наконец спросил Ираклий Петрович восторженным голосом.

– Знакомая принесла на сутки. Для консультации. Одна девушка. Сегодня вечером заберет.

– Какие у тебя, однако, знакомые! Познакомь, а? А если серьезно – то это вне моей компетенции. Стыдно признаться, но я – пас! Это что-то ненормальное, но точно не антиквариат. Ты видишь? Тут нет никаких следов: ни окисления, ни повреждений не видно, даже микроцарапин нет! А какая полировка! При увеличении видно, что у клинка очень тонкая и удивительная поверхность. Он словно сплетен из множества тончайших металлических нитей, посмотри! Смотри, как переливается! И потом... по виду тут ручная работа, но я абсолютно не представляю, как это могло быть изготовлено. Технология мне совершенно незнакома. Или хорошая подделка, или очень качественная копия... не знаю... Лазерная обработка, что ли... И металл я не узнаю... это точно не сталь, но вот что? Возможно, какой-нибудь сплав. Надо бы его исследовать, анализ провести, рентгенограммы снять... Но самое главное – я не имею понятия, какой традиции принадлежит этот меч! Все гармонично так, пропорционально, и

балансировка прекрасная... Эта филигранная структура меня просто убивает! Я абсолютно не знаю таких технологий! Наверное, все-таки современный, но сделан потрясающим мастером. Уникальным! А значит – я должен его знать. Но я не знаю! Это вообще-то неправильно. Познакомь меня с этой девушкой! Мне просто необходимо все узнать об этом мече!

– Извини, Иракий, я готов выполнить любую твою просьбу, ты же меня знаешь. Но тут – нет. Она просила никому не показывать этот меч, и я обещал. – Профессор импровизировал на ходу, стараясь казаться убедительным и естественным. – Обманул, как видишь. Но вот если она еще что-то принесет – точно вас познакомлю. Верешь мне?

– Ладно, как скажешь... но что-то ты недоговариваешь. Темнишь что-то! Мы же с тобой столько лет уже знакомы! Ладно, я понимаю, это не твоя тайна, и ты ничего не можешь сделать, я прав? Прав, конечно, по твоей хитрющей физиономии вижу. Сфотографировать, конечно, тоже нельзя?

– Извини... – разведя руками, снова повторил Антон Михайлович. – Я еще вот что хотел у тебя спросить. Ты же собираешь сведения о дуэльных правилах разных эпох?

– В какой-то мере, – скромно подтвердил оружейник. – Знаешь, это трудно себе представить, но в течение восемнадцатого и начала девятнадцатого веков дуэльные правила нигде никем не записывались и тем более не издавались. Они целиком принадлежали исключительно устной традиции, поэтому до нас мало что дошло. В основном из художественной литературы. Правила поединка определяли сами дуэлянты и шепетильные в вопросах чести секунданты. А появившийся потом французский кодекс Шатовильера и многие другие писанные правила так и не прижились. Дуэли обычно были повсеместно запрещены и преследовались законом, поэтому проводились чаще всего на природе, в спокойных местах, где противникам никто не мог помешать. Так в чем вопрос?

– В каких случаях осуществлялась дуэль с разным оружием у противников?

– По-моему, ни в каких. Не помню таких случаев. Только поединки гладиаторов в Древнем Риме, но это не совсем то...

– А когда у одного противника был меч, а у другого – кнут? Такое было возможно?

– Один только кнут? Одного кнута мало, еще нужен кинжал или что-то типа того.

– Зачем? – удивился профессор. Все-таки он был специалистом в другой области, и оружейные тематики, тактики сражений никогда серьезно не интересовали его.

– В одну руку брали кнут, а в другую – кинжал. Ведь как использовался боевой кнут? Нападавший взмахивал им, захлестывал врага, часто всадника, а когда хлыст обматывался, то нападавший дергал на себя и насаживал противника на кинжал. Для этого надо быть большим мастером своего дела, знать массу тонкостей, чтобы вот так владеть кнутом.

– А я не в курсе. Вот ведь как оно бывает... Занятная штука – жизнь!

– Ладно, пойду я, спасибо за чай – мне еще надо с внуком погулять. А ты позвони, если для меня будет что интересное! Обязательно!

Проводив своего друга, Антон Михайлович включил компьютер и полез в Интернет. Пришла куча писем, но профессор даже не стал на них смотреть.

В ближайшие сутки его интересовало не это.

5. Свобода внутреннего прокурора

Отвоеванные им сутки заканчивались. Двадцать четыре часа уже на исходе, и скоро должна была прийти Габриель. Или Лилит. Или они обе. Но профессор не испытывал никакой нерешительности или неловкости, вот только ожидание утомило его. Он принял решение.

Когда в прихожей раздался звонок, Антон Михайлович испытал заметное облегчение. Он вообще терпеть не мог чего-либо ждать, и неважно, чего: хорошего, плохого или эмоционально нейтрального. Ожидание раздражало и выматывало, причем так было всегда, еще с юности. Он отпер замок и открыл дверь. На площадке стояла Габриель. Ее вид совершенно не изменился – выглядела она точно так же, как в их первую встречу. Накануне, у лифта.

– Отдайте мое оружие! – заявила она с порога.

– Идите и забирайте. Дверь открыта.

– Отдайте! – повторила она.

– Вы что, не можете взять его сами? – удивился Антон Михайлович.

– Вы должны мне вернуть его.

– Почему?

– Отдайте, это мой меч! – в этот момент Габриель на секунду стала похожа на маленькую девочку, у которой мальчишки в песочнице отобрали любимый совочек.

– А, так я могу и не отдавать? – удивился своей запоздалой догадке профессор. – Мне этот клинок очень нравится, знаете ли. Дорог как память. Мне приятно на него смотреть. С вашей силой и возможностями так ли уж трудно справиться со стариком? И потом, что-то мне подсказывает, что вы всегда сможете найти себе замену.

Зная, с кем он разговаривает, Антон Михайлович уже ничему не доверял, а своим ощущениям – особенно. Габриель казалась расстроенной. Или только делала вид?

– Все не так просто, – ответила она. – Я потеряла свое оружие в бою, теперь это ваш трофей, и забрать его я могу только путем битвы. А сражаться со смертными нам запрещают.

– Но я же не дрался с вами. Я просто наступил на рукоятки, когда вы обе потеряли свои игрушки.

– Это неважно. Мы потеряли наше оружие во время схватки. А вы захватили его. Кстати, Ли в таком же положении, что и я.

– Тогда не отдам, – с неожиданным для себя самого упрямством заявил Антон Михайлович. – Была такая детская игра: «Цап – мое».

– Вы... да вы отдаете себе отчет...

– Вполне. Я видел вас в схватке и отлично понимаю, с кем сейчас разговариваю. Если я потеряю жизнь, то хоть доставлю вам немного проблем, а это уже приятно. Порадуюсь напоследок. Как я понял из ваших слов, вы и вам подобные существа не могут напрямую вмешиваться в дела нашего мира.

– Ну что ж... пусть будет так, – неожиданно быстро и легко согласилась Габриель: профессор уже настроился на долгий и утомительный спор. – Оставляйте. Но, прежде чем нам расстаться навсегда, я хочу сказать одну вещь... только одну. Раскрою маленький секрет.

– Да? Что вы имеете в виду? Секрет важный?

– Для вас – важный. Очень. Ли хочет вас обмануть.

– Она мне не даст того, что обещает?

– Даст, но ненадолго. Дело в том, что вас и вашего аспиранта хотят уничтожить, причем обоих. Она это знает и на это очень рассчитывает – при таком ходе событий ей меньше хлопот.

– И кто же эти злоумышленники? И при чем тут мой аспирант?

– Ну уж нет! Вы отказались от моей помощи, продались этой дьяволице, потом забрали мое оружие, вот сами и выпутывайтесь. Вам будут доступны все данные, и вы получите все

возможности, чтобы разобраться в происходящем. С вашим умом задача вполне осуществима, а я ухожу. Прощайте.

Когда она ушла, Антон Михайлович так и остался стоять посреди прихожей.

Очаровательная брюнетка появилась сразу после ухода Габриель. Не прошло и пяти минут.

– Отдайте мой хлыст, – жестко не то сказала, не то приказала Лилит вместо приветствия.

– Черный кнут? – зачем-то уточнил профессор. – Не хочу.

– Как не хотите? – удивилась девушка.

– Никак не хочу. Наше соглашение в силе? Вот и действуйте. А кнут – это мой трофей.

Хоть и случайный, но трофей, и он останется у меня, он мне нравится, знаете ли. Мне с ним спокойнее как-то.

– Это Габи так вас подговорила?

– Меня? Вы что? Она ушла и, как я понял, уже навсегда. Напоследок пугала меня всякими страшными карами и требовала свой меч. Я его тоже не отдал.

– Похоже на нее, – согласилась Лилит, – это она умеет: пугать. Нет чтобы сделать что-то полезное, а вот запугивать... еще обвиняет нас... Ладно, мы-то с вами не раз встретимся, я от вас уже не отстану! Теперь по нашему делу. Нам потребуется здоровый молодой человек как донор.

– Донор чего? Не понимаю...

– Мозга, вернее, тела. Мне вполне подходит ваш ученик. Я его видела: молодой еще и голова свежая. Здоров, не болеет ничем. Есть у него, правда, некоторые странные чудачества и дурные привычки, но это так, мелочи. К тому же всегда можно сказать, что вы завещали ему свои незаконченные работы, да и вообще все свое... Квартиру, например. Вот его и возьмем.

– Погодите, то есть как это – «возьмем»? Для чего?

– Для вас. Я перенесу ваше сознание в его мозг, а его тело станет вашим. Вы станете им. Вернее, он станет вами.

– Почему он? Я ж его хорошо знаю, это мой аспирант, он же мне почти как сын!

– Давайте без пафоса! Вам не идет. Какой еще сын? Вы своего родного-то знать не желаете! А это совсем чужой человек, и чем он лучше кого-то другого?

– Но погодите... ведь для его сознания, для его личности это будет означать смерть?

– Безусловно. Да, его сознание исчезнет. Зато ваша личность получит новую жизнь, не забывайте: именно это сейчас для вас главное и основное!

– Постойте... – растерянно проговорил Антон Михайлович, – я ничего не понимаю...

– Да все вы прекрасно понимаете. Вам сейчас нужно новое молодое тело. Я не смогу омолодить ваше. Я только сумею перенести ваш разум, вашу память и ваш жизненный опыт в другой носитель, в другой мозг.

– Погодите... я так не могу... но вы же обещали, что...

– Что именно? Я обещала вам молодость и новую жизнь. Вы получите и то, и другое. А омолаживать вашу дряхлую плоть я не собиралась, да и не умела никогда.

– И что теперь делать? – беспомощно спросил он. – Вы предлагаете мне практически убить своего ученика... принести его в жертву...

– Ну и что из этого? Давайте без излишних сантиментов! В конце концов, патетика – вообще не ваша область. Если вы вообразили себя таким уж поборником морали, высокой нравственности и справедливости, то вспомните, как вы с друзьями ходили в горы. Тянь-Шань, пик Победы, помните? Как вы шли в связке с вашим первым учеником и как, вместо того чтобы вытащить его, когда он сорвался, отпустили страховку. А могли бы и вытащить! Но вы прекрасно тогда осознавали, что ситуация сложилась угрожающая, опасная для вашей жизни, вот и подстраховали себя. Из-за мерзкой погоды и трудных условий восхождения никто ничего не заподозрил, а потому все решили, что произошел обычный несчастный случай – заурядная

ситуация на той горе. Но вы-то прекрасно осознавали, что делаете, и причина гибели друга была вам отлично известна! Вот где находится ваша личная точка отсчета!

– Если бы вы знали, как я страдал после этого! Сколько ночей...

– Опять патетика? – Лилит презрительно сощурила глаза. – Не надо. Вы со мной? Или я ищу какие-то другие пути для решения моей проблемы? У меня есть запасной вариант, пусть и не столь красивый, но есть! Например, такой: я обрабатываю каких-нибудь бандитов, они грабят вашу квартиру, продают все ценное имущество, а я делаю так, что ваши материалы кто-то где-то публикует, и получаю нужный мне результат. Просто и быстро. Только вам в этом варианте места уже не останется – вы погибнете. Итак, мы работаем?

– Подождите... – тихо повторил Антон Михайлович. – А как это все будет?..

– Будет происходить? – переспросила брюнетка. – Не дергайтесь так, все пройдет нормально, не впервой. Правда, возможна небольшая амнезия – вы не будете помнить последние двенадцать-двадцать часов. Но это снимет возможные проблемы с вашей психикой. Значит, работаем?

– Работаем, – согласился Антон Михайлович. Он был противен себе до омерзения. Его внутренний прокурор замолчал: наверное, взял отпуск или уволился.

– Вот и хорошо, что работаем. Разумно. А теперь вы должны успеть...

6. Пик Победы

На другое утро Антон Михайлович успел сделать ряд важных звонков, отправил по электронной почте с десяток писем и распечатал несколько страниц. От руки написал еще пару документов, положил все это в папку, ее – в портфель, оделся и, обругав погоду, направился к ближайшему нотариусу.

За ночь погода совсем испортилась. Пошел снег – как говорил классик, «сделалась метель», и жесткие снежинки хлестали профессора по лицу. Прикрываясь от колючего снега, Антон Михайлович вдруг необыкновенно ярко вспоминал похожую, но несравненно более жестокую пургу в горах, когда он в молодости совершал восхождение на Тянь-Шань. Пошли обрывки воспоминаний, яркие отрывки минувшей жизни...

Пик Победы (по-киргизски – Жеңиш чокусу) из-за вечно царящей там очень скверной погоды всегда считался весьма коварной горой и пользовался у альпинистов исключительно дурной репутацией. Пик стоит на границе двух климатических зон: с севера, из Сибири, поступает влажный прохладный воздух, а с юга, со стороны пустыни Такла-Макан, – сухой и горячий. Поэтому на «Победо», как называется пик на альпинистском сленге, почти всегда ветра ураганной силы, вечные снегопады и отвратительная видимость. Официально пик открыли в тридцать восьмом году двадцатого века, но точно определить его высоту сумели лишь во время войны, в сорок третьем. Тогда и выяснилось, что гора на полкилометра выше пика Хан-Тенгри. Географическое открытие состоялось так поздно именно из-за труднодоступности и почти постоянной облачности, скрывающей вершину. Пик был назван в честь будущей победы над нацистами, в реальности которой никто уже тогда не сомневался.

Трудно сказать, о чем вообще думал руководитель Ленинградской секции альпинистов, испытывал ли он какие-либо сомнения, когда в шестьдесят восьмом году повез свою группу на Тянь-Шань, покорять пик Победы. Группа была молодой, еще плохо спаянной и совсем «дикой». Каким образом они при этом умудрились получить допуск в погранзону – сейчас сказать уже сложно. Руководитель явно не очень размышлял о дьявольской закономерности, которая следовала из ежегодной статистики восхождений на «Победу»: за достижение своей вершины гора всегда брала жизнь одного или нескольких восходителей. Большинство погибших так и не сняли с ледяного гребня горы до сих пор. При нынешнем потеплении климата вмёрзшие трупы людей из склонов вытаивают, и, по рассказам альпинистов, картина кладбища на высоте семи тысяч метров представляется ужасающей. Снять тела альпинистов зачастую нет никакой реальной возможности еще и потому, что вертолеты при большой разреженности воздуха просто не могут туда долететь. Так и покоятся непогребенные останки там, где их настигла смерть... Если в каком-то сезоне на том пике никто не погиб, то это означает, что на вершину просто никто не ходил в этот год. Исключения из правила случались, но нечасто. Даже при современном качественном снаряжении счет потерянных жизней при восхождении на пик Победы уже превосходит число победителей, а что говорить о сорокалетней давности?

В том году на злополучную вершину восходители еще не поднимались. Опытный уже спортсмен, молодой кандидат исторических наук Антон Карпов шел в паре со своим другом и первым учеником – только что поступившим в аспирантуру Димой Погодиным. За плечами тридцатилетнего Антона были Кавказ, Памир, а на Тянь-Шане – Хан-Тенгри, а Дима ходил только на Кавказе да в Крыму. Они взяли неоправданно большой запас еды и разного снаряжения, в чем была уже вторая их ошибка. И, как показало время, ошибка эта стала для Димы роковой...

Друзья торопились – время их поджимало. Они спешили вверх, когда подошли к опасному ледопаду по пути на перевал Дикий. Обычно этот участок проходят утром, чтобы сэко-

номить время и успеть до темноты, из-за чего стартовать приходилось часов в пять утра. Место оказалось очень неприятное, даже страшное. Сверху висели предательские сераки, снизу – огромные борозды, конусы лавин и обвалов. Репутация этого участка была весьма зловещей. Антону вдруг стало страшно и очень не захотелось идти туда. Он поменял маршрут и сообщил своему напарнику, что они попытаются найти иной, обходной, путь. Немного подумав, они пошли в боковой провал между нависавшими сераками.

Налетела пурга, и сераки исчезли из вида. Можно было повременить, переждать ветер и успеть пройти маршрут. Или вернуться назад, потеряв день, но Антон ненавидел любое ожидание. А до вершины, казалось, уже рукой подать. Вот она, рядом, и сбегать туда – пара пустяков! Но нет. Здесь не равнина, а значит, с каждым десятком метров все значительнее в свои права вступали законы этой страны, чуждой самой человеческой природе. Эта страна, хоть и смертельно опасная, но чрезвычайно влекущая своей сумасшедшей красотой и суровой непредсказуемостью, не отпускала потом никогда, преследуя в снах и воспоминаниях. Восходители оставили рюкзаки, запомнили место и продолжили тяжелый маршрут...

Антон Михайлович помотал головой, отгоняя неприятные мысли вместе с обрывками тяжелых воспоминаний. Небольшая толпа в приемной конторы немного смутила, но, так как ожидающих было всего человек десять, с которыми уже работали два помощника нотариуса, профессор занял очередь, сев на уступленное кем-то место. Уточнив у секретаря, сможет ли он рассчитывать сегодня на оформление необходимых ему документов, Антон Михайлович услышал ответ: «Да, конечно, подождите в очереди». Опять ждать! Тем временем очередь постепенно рассасывалась: кого-то вызывали, кто-то уходил сам, кто-то просто исчезал, как по волшебству. Спустя час терпение профессора начало истощаться. Антон Михайлович встал, открыл дверь кабинета и громко спросил, смогут ли его все-таки осчастливить. В ответ на это нотариус – толстый мужик лет пятидесяти в спортивной синтепоновой безрукавке, какие обычно носят туристы, – недовольно отозвался:

– А вы ко мне записаны на этот день? Вы предварительно регистрировались на прием?

Эти вопросы повергли профессора в полное недоумение.

– Нет, а что, разве надо? – не сразу ответил он.

– У нас сегодня много дел. Сейчас мы начинаем работать с договорами, поэтому записывайтесь и приходите, когда вам скажут.

– Извините, но мне нужно срочно! И потом, мне сказали, что смогут принять сейчас, – возразил профессор. Однако грозный нотариус гнул свою линию:

– Ну, не знаю. Попробуйте подождать... Но вообще-то я не думаю, что у моих помощников будет какое-то «окно». Мы работаем только по записи, и что вам там сказали, я не в курсе. Попробуйте...

Профессор молча подошел к секретарю, протянул пяти тысячную купюру и снова сел на стул. Опять на него навалились тягостные воспоминания.

...Обратный путь с вершины оказался заметно труднее подъема и превратился в сплошное мучение. Погода совсем испортилась, ветер продолжал крепчать, крутил снег, лишая восходителей всякой видимости. Нешадные порывы один за другим бросали в лицо мелкие ледяные кристаллы и грозили перейти в непрерывный напор. Собственных следов уже давно не было заметно, и люди старались идти, не теряя друг друга из вида, вдоль гребня горы. К семи часам вечера они окончательно выбились из сил и потеряли ориентировку. Выход оставался один – остановиться, закопаться в снег и переждать там до утра. Но как это сделать практически? Пробовали копать плотный, почти твердый снег ледорубами, но результаты были мизерные, а силы уходили. Вдруг совершенно неожиданно все стихло. Тучи ушли куда-то вниз, появилось голубое небо, и погодный кошмар пропал так же внезапно, как и возник. Сорие-

тировавшись, альпинисты увидели, что каким-то чудом шли совершенно правильно и до рюкзаков уже рукой подать. Между тем начинало заметно темнеть.

В наступающей темноте, практически в сумерках, они дошли до своих рюкзаков, надели их и стали присматривать более-менее пригодное место для ночевки. Уже в темноте решили спускаться по острому снежно-ледовому гребешку. Дима шел впереди, на расстоянии укороченной веревки, а Антон, страхуя, двигался за ним следом. Шли предельно осторожно, но Антон все равно повторял про себя: «Осторожнее, медленнее, не спешить». Впереди темнел лишь силуэт Димы. Вдруг он пропал, и раздался крик: «Держись!» Антон инстинктивно воткнул в плотный снег ледоруб и всем телом навалился на него. Но рывок веревки тут же выдернул его, сорвал Антона, и он вслед за Димой покатился вниз по крутому снежному склону в сторону ледника Звездочка. Антон хорошо помнил, что ледяные поля Звездочки лежат под ними на пяти тысячах метров, а сами они – на высоте семь четыреста. Знал он также, что крутой склон продолжается всего лишь метров пятьдесят, а дальше – край и обрыв к леднику. Вертикальная двухкилометровая скальная стена. В тот же момент Антон со всей очевидностью понял, что задержать падение не в силах ни он, ни Дима...

Но вот падение прекратилось: последовал неожиданно резкий рывок, и Антон больше не скользил по склону, а застрял на тросе, обмотавшемся вокруг его левой руки.

Боясь поверить в это чудо и опасаясь пошевелиться, чтобы не сбросить случайно зацепившуюся за что-то веревку, Антон закричал Диме. Тот ответил, что цел и невредим. Видимо, веревка из-за того, что Антон поленился собирать ее в кольца, врезалась в перегиб на снежном склоне, да так основательно, что затормозила, а потом и остановила падение. Антон снова закричал, чтобы Дима не делал никаких резких движений, а бережно выдалбливал ступеньки ногами в снегу или во льду. Сначала отклика не последовало, но потом Дима ответил, что вокруг него нет ни снега, ни льда. Повернув голову и посмотрев в сторону напарника, Антон понял, что не видит его, а веревка, врезаясь в плотный снег, уходит куда-то за край близкого уже обрыва. Бездна начиналась метрах в двух от Антона. Пока он соображал, как бы вытянуть напарника, висящего на вертикальной стене, движение возобновилось. Медленное, но предательски необратимое движение вниз. Страховочный трос, похоже, мог не удержать их обоих. Вот тут-то Антон и крикнул Диме, что немного стравит трос, а вместо этого просто освободил свою руку, наблюдая за тем, как шнур врезается в снег и утягивается вслед за падающим в пропасть Димой. Если бы не потеря времени на обход ледяных завалов, если бы не излишняя тяжесть рюкзаков, если бы не эти ошибки, они бы не сорвались и напарник Антона остался бы жив. Конец троса до чрезвычайности больно ударил Антона по лицу, разрубил бровь и исчез за краем обрыва...

ЮРИДИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Совершение завещания представляет собой ряд юридически важных процедур, предусмотренных законодательством и отражающих волю завещателя. Как и сто, и двести лет назад, для этого необходимо нотариальное удостоверение, причем перечень персонажей, которые имеют право выполнять обязанности нотариуса, за многие годы не претерпел существенных изменений. Кстати, функции нотариуса в ряде случаев может исполнять офицер, капитан воздушного или морского судна и другое должностное лицо. Однако кое-что все-таки изменилось. В частности, закон требует, чтобы в момент подписания присутствовал некий свидетель. Причем у завещателя есть право приглашать для удостоверения завещания другого нотариуса, если для этого есть реальная возможность. Короче – нужна еще одна подпись, и все. И эту подпись может поставить какой-нибудь другой нотариус или просто помощник нотариуса.

Существуют наследования по закону и по завещанию. По закону наследники бывают первой, второй и третьей очереди. А если уж углубляться в историю и специфику, то наследование – один из важнейших институтов гражданского права начиная еще со времен древнеримского

законодательства. Наследование не только позволяет человеку накапливать собственность для себя, но и дает уверенность, что после смерти имущество перейдет родственникам или с собственностью поступят согласно желанию завещателя. Таким образом обеспечивается своего рода имущественная преемственность.

Согласно действующему закону, завещание составляется самолично наследодателем либо записывается с его слов самим нотариусом. Причем завещатель вправе оставить свое имущество какому угодно наследнику, в том числе и недостойному на момент составления завещания. Наследодатель вовсе не должен как-то мотивировать и кому-либо объяснять свои действия. Он может не только завещать собственное имущество, но и лишить кого-нибудь наследства. Завещание по-прежнему может быть написано как относительно имущества, уже имеющегося у завещателя, так и относительно того, что он получит в свою собственность в будущем. Сам документ может стать либо нотариально заверенным, либо сданным нотариусу на хранение. Те завещания, что сданы на хранение нотариусу, отличаются от обычных тем, что нотариус не видит ни формы их, ни содержания. Завещатель лично отдает нотариусу запечатанный конверт и подтверждает, что это именно завещание, а не старая газета.

Голос секретаря нотариуса вернул Антона Михайловича к сегодняшней реальности: ему предлагалось пройти в кабинет. В результате документ был готов прямо на глазах. Оперативность процесса приятно удивила профессора – он оформлял завещание и уже настроился на долгую и мучительную процедуру.

Однако возможные коллизии не коснулись тогда личности Антона Михайловича. Он принес бумаги, их запечатали, все оформили в соответствии с законом и положили на хранение в сейф, сделав об этом соответствующую запись в книге учета.

7. Доцент и Соловей

Книга учета прихода и ухода сотрудников казалась анахронизмом, пережитком советских времен. Но администрация неизменно требовала вести эту книгу, что давно уже раздражало заведующего кафедрой теории и истории управления Московского гуманитарно-исторического университета доцента Алексея Викторовича Лунькова. Причем книга учета только добавила малую толику к общей массе негатива, копившегося в его сознании. Мало того, что ходили упорные слухи о возможном слиянии его кафедры с кафедрой прикладной социологии, так еще и кадровая проблема доставляла массу хлопот. С одной стороны, старик Карпов с его непомерными амбициями и апломбом. С другой – Машка с ее упругим, гибким телом и требованиями должности старшего преподавателя. А с третьей – ректорат с планами по сокращению штата и (не дай бог!) объединению. Причем уволить Карпова не разрешал именно ректор, почему-то питавший излишне дружеские эмоции к этому вздорному старику. Почему? Он сегодня вон даже на свою лекцию не пришел. Заболел, что ли? Так мог бы и позвонить. А если проведут слияние, то ему, Алексею Лунькову, ничего не светит. Заведующим останется зав. социалкой, он там у них профессор, а Луньков – всего лишь доцент. Срочно нужно делать докторскую, но когда? Время, время... Купить? Это сейчас вполне реально, но жалко денег, да и опасно даже по нынешним временам. Кругом столько недоброжелателей, что, если возникнет хоть малейшее подозрение, что писал не сам, съедят с потрохами и не подавятся. А там и на ректора выйдут, дойдет до ВАКа...

Из беспокойных раздумий Алексея Викторовича вывел сигнал переговорного устройства.

– Алексей Викторович, это вас, по городскому, – сказал селектор голосом кафедральной секретарши. Вообще-то на кафедре держать секретаря не полагалось по штату, но Мариночку оформили на инженерную ставку.

– Кафедра, – привычным голосом ответил Луньков, приложив к правому уху прохладную телефонную трубку.

– С вами говорят из Управления внутренних дел Юго-Западного округа, – произнес официальный мужской голос. – Капитан Соловей Сергей Николаевич. С кем я разговариваю? Представьтесь, пожалуйста.

– Заведующий кафедрой теории и истории управления МосГИУ доцент Луньков Алексей Викторович, – послушно отрекомендовался он. Голос в телефоне действовал как некий дисциплинирующий фактор. – Что-то случилось?

– Карпов Антон Михайлович... у вас есть такой?

– Да, конечно, профессор Карпов.

– Он работает у вас? Вы его хорошо знаете?

– Разумеется, а что с ним? – снова вопросом ответил Алексей Викторович, стараясь говорить предупредительнее. Официальный тон на том конце провода настораживал.

– А где сейчас может быть Карпов? – не ответив, задал очередной вопрос капитан Соловей.

– Не знаю, у него по расписанию первая пара, но он не пришел. Вообще-то очень нехарактерно для него...

– Скажите, а кто-нибудь может сейчас подъехать по адресу, который я продиктую?

– Что-то произошло?

– Да. Вчера был найден труп с документами на имя Карпова Антона Михайловича в кармане. Кроме паспорта обнаружено удостоверение вашего университета.

– А как выглядит... тело?

– Пожилой человек, лет семидесяти, седой, волосы коротко подстрижены. Был одет в черное кашемировое пальто, черные брюки в тонкую белую полоску, черный пиджак. Носки...

– А нет ли у него на лице каких-нибудь особых...

– Особых примет? Есть. Над левой бровью старый вертикальный шрам около четырех сантиметров длиной и примерно полсантиметра шириной. Из-за шрама бровь выглядит...

– Это он. Это Антон Михайлович.

– Вы сообщите родственникам? У вас есть их телефоны? Нужно провести официальное опознание.

– По-моему, у него не было никаких родственников. Хотя нет, постойте, вроде бы есть сын, но он где-то за границей, что ли...

– А как с ним связаться?

– Я даже не знаю... но, вероятно, это можно будет выяснить, – сказал доцент, вспомнив про аспирантов Карпова. – Я спрошу у его учеников, если они доступны для общения. Но сейчас их нет на кафедре.

Из учеников Карпова реально доступными оказались только двое: Николай Латников и Вера Смирнова, причем последняя защитилась в прошлом году и сразу же перевелась к филологам. А у Латникова, если Лунькову не изменяла память, на эту весну была назначена защита. Все остальные – кто ушел в бизнес, кто уехал за рубеж, а кто удачно вышел замуж и банально сидел дома.

– Видите ли, опознание нужно провести сегодня, – настаивал Соловей. – Вы не смогли бы приехать лично? Ведь это ваш сотрудник и вы знали его хорошо.

«В крайнем случае, – подумал Луньков, – если там окажется Карпов, то я буду первым, кто сообщит новость в ректорат. А если так, то может сыграть на эффекте внезапности, и мне что-то удастся с этого получить. Например, Машку назначить старшим, а там, глядишь, и часы Карпова ей передадут. За это уж она мне потом отработает по полной программе!»

– Я приеду, – согласился Луньков, представив, как именно отработает свое назначение его бывшая аспирантка.

– Хорошо, Алексей Викторович. Запишите адрес. Записываете? Страстной бульвар, пятнадцать, строение шесть, патологоанатомическое отделение городской клинической больницы номер двадцать четыре. Запишите еще мой телефон... – Луньков записал. – Как только будете готовы, позвоните мне.

Когда полицейский капитан повесил трубку, доцент надавил на кнопку старомодного селектора.

– Мариночка, найдите мне, пожалуйста, Латникова. Попросите срочно приехать на кафедру и дождаться меня.

– Хорошо, Алексей Викторович. Это срочно?

– Очень. Похоже, Антон Михайлович умер...

– О господи! – вполне натурально притворилась секретарша. Она явно подслушивала разговор с полицейским.

– Да, беда. А сейчас мне придется ехать на опознание. И еще узнайте все, что сможете, о родственниках Карпова. Но это не так срочно. Все остальные дела сейчас отложите, подождут. И еще к вам просьба: ничего пока никому не говорите, есть вероятность, что это всего лишь ошибка. Я вам позвоню, когда ситуация более-менее прояснится.

– Хорошо, Алексей Викторович...

Словно сомнамбула доцент оделся, спустился вниз, подошел к своей машине и уже пискнул сигнализацией, как вдруг передумал. Он положил в карман ключи от своей машины, набрал и отправил короткое СМС-сообщение, после чего быстрым шагом направился к ближайшей станции метро.

Все-таки первая половина рабочего дня – не самое подходящее время, чтобы разъезжать по городу на своей машине. Пробки на дорогах Москвы стали в последнее время настоящим бедствием – транспортные заторы сделали едва ли не основной проблемой. А все многочисленные предложения, которые сегодня рассматриваются властями, ничего не дадут, так как давно устарели и нацелены на вчерашний день. Единственный путь – выселить из Москвы весь бизнес, перенести куда-нибудь в район нового бетонного кольца. Конечно, придется построить дополнительные офисы, банки, поселки и города... но это лучше, чем задыхаться в ловушке, в которую сейчас превратилась столица.

Столичное метро тоже не сильно радовало. Тут опять-таки случались пробки, но не транспортные, а людские. Не так давно из-за бурного наплыва пассажиров на станции «Парк культуры» закрыли несколько дверей на вход и остановили один из эскалаторов. Говорят, чтобы давки не возникло. Московский метрополитен давным-давно не справляется с потоком пассажиров. Под землей стало совсем тесно, и малейший технический сбой в работе метро, плановый ремонт или, не дай бог, какое-то происшествие приводят к пробкам. Конечно, дело не только в метрополитене, проблема гораздо шире – сам мегаполис давно уже превратился в гигантскую транспортную пробку.

Но если ничего форс-мажорного не случается, то пробок в обычном, автомобильном, понимании этого слова в метро все-таки нет: москвичи рассчитывают на него как на самое верное средство добраться из пункта «А» в пункт «Б». Здесь доведут всех и вовремя. Поэтому Луньков и предпочел своему автомобилю столичную подземку.

Подземка не подвела. Оpozнание прошло на удивление быстро и безболезненно. Конечно же, в морге лежало тело Антона Михайловича. Отправив Мариночке короткую эсэмэску: «Это Карпов», Алексей Викторович поехал назад, на кафедру.

Первое, что увидел Алексей Викторович, вернувшись в вестибюль основного университетского здания (кафедра располагалась в главном корпусе), был здоровенный некролог. Блок какого-то текста, портрет Карпова в черной рамке и четыре мелкие гвоздички на длинных художественных ножках, безвольно стоявшие в стеклянной бутылочке из-под кетчупа.

«Успели уже, – недовольно подумал доцент. – Подсустились! Уже и некролог умудрились состряпать! Я же просил повременить! Хоть бы вазочку приличную нашли, что ли, вместо этой банки...»

Только он хотел обрушить на голову Мариночки всю тяжесть своего начальственного гнева, как та не дала ему даже рта раскрыть:

– Алексей Викторович! – зашебетала Мариночка. – Я знаю, что вы хотели пока подождать с официальными мероприятиями, но позвонил ректор и велел срочно... Там же и некролог написали... в ректорате. Еще декан вас разыскивает.

– Ладно, Мариночка, не переживайте так. Все нормально. Латникова удалось отыскать?

– Да, но он у себя дома, заболел, поэтому и отключил телефон. Он сам позвонил и сказал, что будет не раньше чем через неделю. Грипп. А еще звонил декан...

– Заболел? Как это не вовремя... А что декан?

– Просил вас срочно к нему зайти, как только вы появитесь, – тараторила Мариночка. – Я собиралась вас соединить, но Сергей Олегович сказал, что не надо, что как вы прибудете, то просто зайдете к нему.

– Хорошо, Мариночка, спасибо. У меня к вам просьба, – сказал Луньков, окидывая рассеянным взором притихших сотрудников кафедры, тех немногих, что сейчас сидели за своими столами. Только сейчас он подумал, что, вместо того чтобы окучивать Машку с ее спортивным телом, надо было в свое время всерьез заняться секретаршей. Мариночка Ухова считалась обстоятельной девушкой и позволяла себе юбочки только чуть выше колен. Алексей Викторович на секунду представил себе, как он ставит Мариночку раком, закидывает юбку ей на спину,

сдвигает в сторону полоску трусиков... Но время упущено: сейчас ее регулярно трахал декан, поэтому Луньков очень жалел, что так и не поймел Мариночку. Официальное обращение на «вы» только подчеркивало дистанцию, которую приходилось соблюдать. Эх, что уж теперь...

– Да, Алексей Викторович?

– Возьмите у меня в кабинете вазу со шкафа, налейте воды и переставьте цветы из той бутылки, что у некролога внизу. А то неприлично даже, позорище одно.

8. Страсти по декану

Не заходя к себе, Луньков повернулся, вышел в коридор, проследовал до дальнего поворота, свернул налево, еще немного прошел и привычно открыл черную, обитую пупырчатой искусственной кожей дверь.

– Здравствуй, Наденька, – Алексей как можно печальнее поздоровался с толстой и некрасивой секретаршей деканата. – У себя? Он меня ждет.

И, не дождавшись ответа, сразу же подошел к следующей двери, обитой такой же кожей, но почище и посвежее. Блестящая латунная табличка уведомляла:

МосГИУ
социологический факультет
декан
Призоров
Сергей Олегович
профессор

С ненавистью взглянув на эту пластинку, Алексей невольно поморщился, повернул прохладноватую бронзовую ручку, отшлифованную до блеска бесчисленными дланями, и вошел в кабинет декана, аккуратно прикрыв за собою дверь.

– Заходи, присаживайся, – в качестве приветствия сказал Лунькову полнеющий мужчина с глубокими залысинами выше лба. – Ты как? Наверное, уже знаешь, мы понесли тяжелую утрату...

Декан был чуть ниже среднего роста, лет тридцати пяти. Уже начинающий хорошо лысеть, с маленькими черными глазками, бегающими из стороны в сторону, небольшой черной бородкой и усиками как у Митча Силпы в роли Дэвида Блейна. После тридцати лет от неукротимой любви к пиву и курению Сергей Олегович сделался обладателем очень хорошо заметного живота, желтых зубов и достаточно грубого, с хрипотцой голоса. Сейчас он казался каким-то растерянным, подавленным и помятым. Его обычно уверенная манера общения куда-то исчезла. Время от времени он «зависал», как плохо отлаженный компьютер, переставал реагировать на внешние раздражители, а его взгляд неподвижно фиксировался на чем-то, не видимом для посторонних глаз.

– Сергей, я уже читал некролог, – не выдержал Луньков. – Давай прямо, мы не на собрании. Сразу к делу, и не тяни, умоляю тебя. У меня еще вечерняя пара сегодня.

Изменения в своем давнем знакомом Алексей приписал стрессу после неожиданного известия о гибели Карпова. С деканом факультета они когда-то учились вместе на одном курсе и в неофициальной обстановке обращались друг к другу по имени и на «ты». Это только на ученых советах и всяких заседаниях включались официальное «вы» и имя-отчество. В свое время, став профессором, на очередное обращение к себе «Сережа» Призоров немного скривился и убедительным тоном сказал Лунькову: «Вообще-то меня зовут Сергей, и прошу впредь именовать меня именно так. А на людях – Сергей Олегович, желательно на „вы“, но это уж как будет удобнее». С тех пор наедине со своим бывшим однокашником Алексей чувствовал себя неловко – тот вон уже профессор и декан, а он, Луньков, только доцент и заведующий кафедрой, да и то неизвестно, надолго ли.

Наконец декан немного собрался и перешел к самому главному – к тому, из-за чего, собственно, и вызвал Лунькова:

– Ну что ж, к делу, так к делу. Ты вроде бы не совсем ладил с Карповым, да? Не надо, не отвечай. Я в курсе... – сказав это, декан снова «завис».

– Ну и?.. – неопределенно спросил Луньков, когда надоело ждать продолжения. Ему захотелось нажать «reset» и перезагрузить Призорова.

– Значит, так, – продолжил пришедший в себя декан, – принято решение, что ты, Алексей, возглавишь комиссию по организации похорон, поминок и разных связанных с этим дел. Возражений нет? Вот и отлично. Привлеку к делу нашу незаменимую Наталью Николаевну, она все умеет и все знает, как надо и как положено. Она у нас во всех похоронных комиссиях всегда состоит. Я тоже буду в этой комиссии, но возглавишь ее ты! Кроме траурных мероприятий нужно подумать об издании посмертного сборника трудов Антона Михайловича. У него же остались неопубликованные работы? Вот. Деньги на это мы найдем, не проблема, а сам сборник выйдет под моей редакцией. Подготовкой издания займется Коля Латников под твоим непосредственным и чутким руководством, а я помогу. Я надеюсь, ты теперь сделаешься его руководителем как диссертанта? – Алексей кивнул. – Вот и отлично! Антон Михайлович говорил, что Коля – дельный малый и там получится хорошая работа. Я видел некоторые его статьи, вполне на уровне, вполне. А ты-то когда свою защитишь? Докторскую? Среди народа упорные слухи ходят, что ты уже давно все написал. Так чего тянешь? Шлифуешь стиль? Пора, пора уже... Ладно, сейчас иди, у всех нас куча дел, а вечером загляни ко мне, надо серьезно поговорить. Я позвоню.

Выходя от декана, Алексей Викторович пребывал в полной растерянности. Он не знал, что подумать, и не мог даже предположить, о чем еще собирался с ним говорить декан.

Газета «Московский Боголюбец» («МБ») писала на другой день:

«В среду стало известно о смерти известного ученого-историка с мировым именем, профессора Антона Михайловича Карпова. Как сообщили корреспонденту «МБ», ученый был найден мертвым накануне вечером в сквере Тверского бульвара, через который возвращался домой.

По одной из версий, неустановленные лица избили и ограбили его. Профессор не выдержал и скончался от кровоизлияния в мозг прямо на лавочке. По другой версии, которой придерживаются правоохранительные органы, гибель Карпова не имела насильственных причин, а обокрали его уже после смерти. Официально в университете подтверждают лишь сам факт смерти профессора: говорить о причинах и обстоятельствах гибели в пресс-службе отказываются до получения результатов экспертизы. «Сегодня в ректорат должны прийти данные экспертизы и заключение правоохранительных органов о причинах смерти Антона Михайловича», – сообщил заведующий кафедрой истории управления Московского гуманитарно-исторического университета, доцент Алексей Луньков. Сотрудник университета сообщил, что Карпова ограбили: на нем не оказалось ботинок, пропал мобильный телефон, но документы были в наличии. По его словам, при осмотре тела судмедэксперты обнаружили на голове убитого следы, похожие на ушибы.

Поскольку судмедэксперты так и не дали четкого заключения по поводу этих следов, в сводке происшествий гибель Антона Карпова проходит не как «убийство», а как «скоропостижная смерть». По данным источника «МБ» в органах внутренних дел, тело семидесятилетнего профессора обнаружили на лавочке в сквере Тверского бульвара около 20 часов. «Сведения об ограблении и тем более убийстве Антона Карпова не соответствуют действительности», – заявила позже пресс-секретарь московского ГУВД. По словам пресс-секретаря, тело Карпова обнаружили случайно – прохожий заметил, что хорошо одетый пожилой гражданин сидит без ботинок. Прохожий подошел и тронул старика за плечо, после чего сидящий завалился на бок. Вызвав

полицию, неизвестный исчез. При покойном не оказалось никаких вещей, но не обнаружилось и следов насилия на теле умершего. «Судмедэксперты подтвердили, что никаких ушибов, ссадин, кровоподтеков и других признаков насильственной смерти нет, – добавила пресс-секретарь. – Единственное, что насторожило оперативников и медиков, – это отсутствие обуви: погибший оказался разут. Но раз ограбления не было, это может означать лишь одно: кто-то из недобросовестных прохожих воспользовался ситуацией».

В Московском гуманитарно-историческом университете, где работал Антон Карпов, также считают, что фактором смерти ученого мог послужить геморрагический инсульт. «Правоохранительные органы первоначально нам заявили, что Антон Михайлович скончался от кровоизлияния в мозг. Только потом мы узнали, что он был ограблен и проводится проверка», – рассказала корреспонденту «МБ» сотрудница университета. Она также добавила, что на четверг на 10:00 назначено отпевание Карпова в московском храме Святителя Николая в Кадашах (1-й Кадашевский пер., 5/10).

Антон Михайлович Карпов родился в 1938 году в Петербурге. Блестяще окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета, в 1967 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1981 году получил степень доктора исторических наук. С 1988-го – профессор. В 1990-м стал заведовать кафедрой мертвых языков исторического факультета Ленинградского историко-архивного института. С 1996-го – профессор МосГИУ, параллельно читал лекции в других вузах. Был членом Мальтийского научного общества, специального научного совета при Институте европейской истории общества Макса Планка (Франкфурт-на-Майне), профессором Тюбингенского университета.

Область научных интересов профессора была необыкновенно широка. Историческая семиотика (наука, изучающая историю знаков и знаковых систем), а также история западноевропейской культуры, общественно-политической мысли, история Католической церкви, история Инквизиции, история европейского Средневековья и средневековая юриспруденция. Основные труды: «Повседневность в европейской мифологии» (1974), «Историческая семиотика Средневековья» (1981), «История Инквизиции и Ренессанс» (1990), «Семиотика религиозных представлений» (1999), а также серия университетских учебников и множество научных статей. Число печатных трудов Антона Михайловича превышает две с половиной сотни.

С кончиной Антона Михайловича наука и культура понесли тяжелую утрату, но память, которую он оставил о себе, всегда будет светлой и останется жить в его трудах и делах его учеников».

Луньков не знал, да и не мог знать, что в то время, пока он «парился» на опознании в морге, в кабинет его непосредственного начальника постучалась молодая брюнетка.

– К вам можно? Здравствуйте, Сергей Олегович, – совершенно спокойно произнесла девушка, входя в кабинет декана. – Я ученица Антона Михайловича.

– Здравствуйте. Вы не с нашего факультета? Я вас что-то не припоминаю... – маленькие глазки Призорова так и ощупывали красивую фигуру девушки.

– Нет, я из другого вуза, – она слегка опустила голову. – Антон Михайлович вел у нас спецкурс исторической семиотики.

– Да? Я и не знал, представьте себе. Видите, какая у нас с вами беда приключилась... Так чего вы хотели?

– Можно с вами поговорить? Дело важное.

Сергей Олегович слегка усмехнулся, обнажив заметно пожелтевшие от табачного дыма зубы.

– Отчего же нет? Вот, садитесь на диван, и давайте поговорим, – охотно согласился декан. Чувствовалось, что у него имеется богатый опыт общения с красивыми молодыми студентками, обращавшимися к нему с просьбами.

Девушка свободно расположилась на черном кожаном диване, что стоял у стены, положив ногу на ногу. Черные кожаные брюки выгодно подчеркивали ее фигуру ниже пояса.

– Понимаете, какое дело... – брюнетка на секунду замялась, словно подбирая слова, – проблема в том, что незадолго до своей смерти Антон Михайлович взял у меня для изучения некоторые материалы. Это семейные реликвии, имеющие к тому же высокую материальную ценность. Я понимаю, сейчас не время: похороны и вообще не до того, – но я хотела бы получить свои вещи назад. А то мало ли... затеряются, попадут не в те руки... Всякое может случиться. А насколько я знаю, он завещал все свое имущество факультету. Не кафедре и не университету, а именно факультету.

– А что это за предметы? – пробасил Призоров. – Что вы хотите этим сказать?

По выражению лица девушки можно было понять: она совсем не пожалела, что начала этот разговор. Более того, она явно наслаждалась ситуацией.

– Во-первых, это антикварный кнут. У меня есть его фотка, вот...

С этими словами она протянула небольшую фотографию, величиной с почтовую открытку.

– Ого! – поразился декан, разглядывая снимок. – Наверное, ценная штука?

– Да, очень, – брюнетка медленно провела ладонью по своему бедру. – Антон Михайлович взял его у меня для того, чтобы показать эксперту. Кстати, этого эксперта можно спросить, он подтвердит. Еще там старинный меч и несколько документов.

Декан не мог оторвать взгляда от ног девушки.

– Вы знаете, – сказал он, – так вообще-то делать нельзя. Нужно доказать, что эти вещи не принадлежали покойному. Я не юрист, но только после открытия наследства... Это полгода, не меньше. Кроме того, факультет – не юридическое лицо, таковым является только университет.

– Может, имеется какой-нибудь иной путь, более простой и короткий? – ее тон стал напоминать заклинание.

Сергей Олегович, сидевший до этого в кресле, вдруг очутился рядом на диване.

– Есть один такой способ, – сказал декан, – но вам в этом случае придется очень сильно постараться.

И тут его рука оказалась на правом бедре брюнетки. Пока она ничего не отвечала, пытаясь только чуть отдалиться от декана. Но не тут-то было, рука декана все энергичнее ласкала правое, а затем и левое бедро девушки. Он почти вплотную придвинулся к ней и вот уже одной рукой обнимал ее за плечи, а другой весьма интимно трогал круглые колени.

– Сергей Олегович... – начала было она, но он ущипнул ее за ягодицу.

– Тихо, тихо, красавица, – сипло прохрипел Сергей Олегович, пытаясь расстегнуть ей джинсы, – не так резво! Слушай меня внимательно, детка! Ты же не хочешь, чтобы кто-нибудь нас услышал? Ведь в таком разе я уже точно ничем не смогу тебе помочь, и все твои усилия пропадут даром!

В эту секунду Призоров ощутил дикую, ни с чем не сравнимую, но знакомую каждому мужчине боль в паху. Он готов был закричать, но вторая рука девушки с невероятной силой зажала ему рот. От нестерпимой боли и железной хватки девичьих рук декан даже не мог пошевелиться.

– А теперь слушай меня, ты, жирный похотливый боров! – громко зашипела девушка. – Сейчас ты не дергаешься, а медленно встаешь вместе со мной и делаешь шаг вперед. В противном случае я раздавлю твои яйца!

В качестве подтверждения своих слов она несколько усилила хватку. Глаза Сергея Олеговича налились кровью и почти вылезли из орбит. Он встал и как робот шагнул вперед.

Тут он увидел, что его кабинет куда-то пропал, а сам он вместе с девушкой оказался на бесконечной равнине под ярко-белым небом без солнца и облаков. А вокруг кипела битва, и одни существа убивали других. Призоров попытался сделать шаг или что-то сказать, но у него не получилось продвинуться дальше мыслей об этом, поскольку он уже не имел собственной воли...

9. Голос аспиранта

Забавно, что погибшему человеку уже совершенно все равно, кто его убил. Да и вообще – убил ли. И когда кого-то обманывают – при условии, конечно, что делают это аккуратно, – тоже никому нет никакого дела. А вот лязгать зубами о вилку в приличном обществе запрещено, и до этого есть дело всякому. Женщине не разрешается говорить прямо, что о ней думают, и недопустимо морщить нос от неприятного запаха, и без галстука в хороший ресторан не пускают. До этого тоже всем есть дело. Абсурдный мир.

Когда, согласно своей абсурдной договоренности, Алексей Викторович позвонил вечером декану, то на том конце провода долго никто не отвечал. Дождавшись включения автоответчика, Луньков положил трубку, выругался вполголоса, встал, вышел из-за стола и направился в кабинет декана. Но и здесь его ждал полный облом – дверь оказалась запертой. Несколько секунд он думал, куда бы Призорову позвонить – сначала на мобильный или сразу домой? Начал с сотового. «Абонент временно недоступен, перезвоните позже», – сообщила трубка известную всем пользователям сотовой связи фразу. Тогда Луньков набрал номер домашнего телефона декана, но и этот номер ничем, кроме автоответчика, порадовать не смог.

Мысленно послав автоответчику, да и самому своему начальнику тысячу чертей, заведующий кафедрой позвонил аспиранту Карпова. Трубку долго никто не брал, и Алексей Викторович хотел уже отключиться, как вдруг длинные гудки прервались, и недовольный голос Латникова наконец отозвался:

– Алло!

– Николай? Здравствуйте. Это Алексей Викторович. Вы уже знаете, какое у нас несчастье?

– Конечно, знаю, – рассудительным тоном ответил голос Латникова. – На Тверском бульваре найдено тело Антона Михалыча.

– Вы не смогли бы принять участие в траурных мероприятиях? Вы же его ученик...

– Я весьма сожалею, но сейчас болею, знаете ли, – вполне жизнерадостно вещал голос на том конце провода. – Я на больничном. Лежу пластом, температуру и ни на что более деятельное решительно неспособен.

– Это ваш окончательный ответ?

– Мне очень жаль, Алексей Викторович, что я сейчас не в состоянии вам помочь.

– Однако голос у вас вполне бодрый.

– Наглотался всякой дряни, вот и бодрый. Это временно. Я ходить могу только по квартире, да и то с некоторым трудом, уверяю вас. Голова раскалывается немилосердно.

– Тогда выздоравливайте. Кстати, хочу вас немного порадовать! Декан принял решение издать неопубликованные работы вашего учителя под своей редакцией. Под авторством Карпова, разумеется. Непосредственно ответственным за выпуск сборника назначат вас, а я буду курировать этот проект. Приказ еще не подписан, но решение принято.

В этот момент раздался и тут же прервался возглас Латникова, будто он сразу же закрыл трубку рукой.

– Вы что-то сказали? – удивленно проговорил Луньков.

– Все нормально, это я от радости, – отозвался голос аспиранта. – Антон Михайлович тоже обрадовался бы.

– Да, так оно вот... Но объем и параметры сборника ограничены. Все в деньги упирается, как я понял. Призоров скоро должен сообщить нам основные детали.

– Ну... э-э-э... – Латников явно не знал, как закончить эту беседу.

– А пока выздоравливайте, у нас с вами много интересной работы впереди. Удачи.

Сказав эту банальную до пошлости фразу, Алексей Викторович положил телефонную трубку, сцепил кисти рук на затылке и с задумчивым видом откинулся на спинку кресла. Разговор с аспирантом чем-то ему не понравился. Странно. Что-то было не так, беспокоило нечто неуловимое, что-то неприятное, как впившийся в ладонь шипик от стебля розы.

10. Шаманка и Лилу

Тем временем телефонный собеседник Лунькова с третьей попытки аккуратно положил трубку, после чего устало расслабился на диване. Засохшие розы со срезанными шипами, что стояли в вазе на полке, чем-то сильно раздражали Латникова. Почему они до сих пор не на помойке? Он не знал, а самому выбрасывать не хотелось – каждое движение давалось с трудом. Ему приходилось напрягать все свои силы, чтобы сохранять самообладание и внешние признаки спокойствия. Тело еще плохо слушалось его, кисти рук выглядели слишком большими, а мускулы – слишком сильными. От всего этого походка становилась не очень убедительной. Да и вообще все казалось непривычным и странным, а кое-что смотрелось просто отвратительно и мерзко. Неожиданно ему сильно захотелось секса, но встать и что-то еще предпринимать не было решительно никакой возможности. Из раздумий его вывел звонок мобильного. Контакт обозначился как Shamanka.

– Алло, – привычно произнес Латников.

– Привет! Это я! – звучал в трубке молодой звонкий девичий голос. Говорившая явно была уверена, что ее сразу же узнают. – Ты что, объявил телефонный бойкот после понедельника, а со мной решил больше не разговаривать? Иногда это очень кстати, что мой мобильник перестает ловить сигнал, и на него практически нереально дозвониться. А то звонят тут всякие...

– Еще неплохая практика – периодически забывать мобильник дома, – охотно поддержал разговор Латников. – Чувствуешь себя истинно свободным!

– Точно, свободным, – сразу же согласилась она. – Я его в сумочке часто забываю, а звонок не слышно. Сейчас еще отключать стала временами, и правда хорошо! А ты почему мне не позвонил?

«Интересно, кто эта девушка?» – подумал он. А вслух сказал:

– Извини, я плохо голоса по телефону различаю, а номер почему-то не определился, – на всякий случай соврал он. – Ты кто? Уточнить можно?

– Что, не узнал меня? Шаманка! Ты правда меня не узнал?

– А-а-а! Ну конечно же, Шаманка! Сейчас у меня бывает, знаешь ли. Зато ты богатой будешь!

– В смысле – богатой? Как твои дела?

– Примета есть такая, народная: если кто из хороших знакомых не узнал тебя, то богатым будешь!

Неведомая Шаманка засмеялась:

– Ха-ха... Говорят, что мой смех подобен смеху ведьмы, возможно, они все правы, однако зачем мне это говорить!

– Смех ведьмы? Вообще-то это комплимент в твой адрес. А я вот тут приболел немного.

– Хреново! – без особого сожаления в голосе сказала Шаманка. – Слушай, хочешь поржать?

– А что?

– Звонит мне один знакомый человек лет тридцати. Ты его не знаешь. Говорит: «Слушай, как удалить себя из Мира?» «Ну, – говорю я, – застрелись!» Было полминуты тупняка, потом до него наконец дошло: «Нет, ты не поняла, удалить из мира мейла?» «А, ну там все просто...» – и я сказала, как. Прикол, да?

В тот момент Латников так и не понял, когда здесь надо смеяться, что за «мир мейла» и где тут «прикол».

– А как у тебя? – спросил он, чтобы сменить тему. – На работе не устаешь?

– На какой еще работе? – удивилась она. – Ты чего?

«Вот черт, значит, не угадал, – чертыхнулся про себя Латников. – Значит, надо как-то иначе выкручиваться».

– Болею я... грипп. Заплетык языкается. Я хотел сказать: на учебе.

– Сессию сегодня закрыла. Сдала без троек, так что теперь отдыхаю до февраля. Целыми сутками свободна. Это ты после понедельника заболел? Ну мы тогда отожгли с Лариской! Макс еще не со всеми подругами нас познакомил. Ты когда поправишься? Может, заедешь?

– А куда? – спросил Латников, а сам отметил про себя, что есть еще некие Макс и Лариска.

– Ну как это «куда»? Ко мне, естественно!

– Нет, лучше уж ты ко мне. Я сейчас стараюсь из дома не выходить. А чего это ты такая сердитая? Из-за меня?

– Нет, при чем тут ты? Я в Инете сейчас, на дневниках, на «Дарк Дайри», прикинь! Сидят тут какие-то неадекватны... У меня такое впечатление, что прямо в монитор грязь летит... Догадался, о чем я?

– Кажется, я догадался! Всякие озабоченные личности лезут? Прыщавые подростки и похотливые старички? Правильно говорят, что единственное место, где любовь встречается чаще, чем секс, – это словарь.

– Да не... тут не та тема... тут такая грязь начинает кишеть, хоть ваще не заходи на тот сайт.

– Ну, это ты зря так. Если покопаться в любом дерьме, то иногда выискиваются довольно интересные размышления и вполне забавные записи! Жемчужины народной мудрости! Если очень захотеть, то в записях даже самых глупых людей можно найти гениальные мысли, о которых авторы не всегда догадываются.

– Не смей меня. Вот я скоро тоже выложу очередную гневную запись... наступлю говнодавом на мораль половины там сидящих. Вот ток с мыслями своими соберусь сначала... Слушай, а ты вообще-то сейчас пьешь что-нибудь?

– Скоро начну. Как оказалось, в холодильнике еще сохранилась бутылка нормальной водки.

– Да не, я имею в виду – от температуры, дурачок!

– Нет, ничего не принимаю. Может, приедешь? Поухаживаешь за мной?

– Ты че? У тебя с головой-то все в порядке? Какой-то ты странный сегодня.

«Сама ты странная, – подумал Латников, отключая связь. – Представляться надо по имени, фамилии, отчеству и году рождения, вот тогда все будет обязательно в порядке!»

После разговора с девушкой Латников долго соображал, кто же это мог быть. Полез в записную книжку, но так и не выяснил ничего вразумительного, русских букв не оказалось вообще. Открыл ее на S. Кроме записи: Shamanka +79166583782, Shamanka@email.ru, icq: 859136987 – там были какие-то странные имена: Salomeya, Seilah, Selena-ML, SolitaryGirl, Spectra, Stella-Inferna... Обидно... Наобум перешел к букве L. Такая же история: Lamia, LiLu, Ledi_Shadow, Lesta, Lory, LuSt... Очередного случая он ждать не стал – сам позвонил по одному популярному, судя по количеству вызовов, номеру. Контакт обозначался как LiLu.

– Да, – ответил молодой, но слегка хриловатый и какой-то депрессивный голос.

– Лилу? Привет, это я!

– Привет. Вижу, что ты, – мрачно ответила трубка.

– Заболел я, валяюсь с температурой. Голова – как пустая бочка.

– У-у-у... жесьь, – немного оживилась незнакомая Лилу. – А я дома делами занимаюсь.

Поправляйся давай, ты мне здоровый нужен.

– Знаешь, мне сегодня Шаманка позвонила. Сказала, что мы с ее подругой в понедельник познакомимся.

– С Ликой? – переспросила Лилу. «Ага, значит, существует еще и какая-то Лика», – подумал Латников. – Во вторник только, а не в понедельник. И что?

– А разве это было не в понедельник? – он все-таки пытался внести ясность. – А разве это не Лариска?

– В понедельник? Лариска?

– Я про ту, у которой шикарные ножи, – рискнул Латников.

– Ну да, шикарные, не смей меня! – сердито возразила невидимая собеседница. – Просто длинные! Мы во вторник с ней встретились в клубе.

– Разве это было не в понедельник? – повторил он.

– А какая такая Шаманка тебе звонила? – опять переспросила неведомая Лилу. – С «Дарк Дайри» или с «Зэ-Бэ-Гэ»? Та, что с голубыми контактами на глазах?

– Вроде так... – буркнул Латников, понадеявшись на удачу. Что еще за «Зэ-Бэ-Гэ»?

– А, ну точно! Мы с другими Шаманками еще не знакомились. Или уже познакомились?

– Но это было в воскресенье, кажется... – ушел от ответа Латников. – Или все-таки в понедельник?.. Плохо соображаю что-то. Может, приедешь ко мне? Посидишь с больным другом!

– Не, ты точно серьезно заболел! Не узнаю тебя... Лечись давай!

Девушка отключилась. Опять облом.

Зато после этого разговора Латников решил быть внимательнее и начал вести базу данных с досье на каждого знакомого, куда вносил все, что слышал или узнавал об этом человеке. Любую информацию. Потом это ему сильно помогло, и эти знакомые даже изумлялись его «феноменальной памяти» на всякие мелочи и подробности их жизни.

В дверь позвонили.

Николай встал, прошел в прихожую и посмотрел в глазок. Молча открыл.

– Вы меня не пригласите? – спросила красивая брюнетка, стоявшая за дверью.

– Отчего же нет? Входите.

– Я вас не приветствую, – сказала она. – Мне нужна рукопись. Когда?

– Ее нет, – растерянно произнес обитатель квартиры.

– Что?!

– Рукописи нет. Я все обыскал. Рабочая копия пропала, электронной копии тоже нет: компьютер не включается – похоже, у него уничтожен жесткий диск.

– Так. А оригинал? Его же отдали на хранение нотариусу вместе с завещанием!

– Да, – ответил Латников, – но там я тоже ничего не нашел. Я подкупил помощницу нотариуса... А когда вернулся... то есть пришел домой... в квартиру Карпова, проверил все и обнаружил, что там отсутствовали все интересующие нас документы, а компьютер испорчен. Может, она на кафедре, но это вряд ли...

– Вы не врете... Вот дьявол...

11. Звонок из Москвы

«Вот дьявол, – думал я, – почему мне всегда нравится Париж, даже в самых неприятных его проявлениях?» Ведь город-то далеко не самый удобный для жизни в нем. Особенно тамошнее метро. Поезда на резиновых шинах, чтобы изнеженным парижанам не дай бог не растрясало задницу. Это хорошо. Станции, натканные часто-часто, буквально через каждые четыреста метров, – тоже неплохо. Но сами линии проведены как-то странно, так, что мне ни разу еще не удавалось доехать куда-то без пересадки. И это уже не очень здорово. Совершенно нелогичные указатели в переходах. Зато знакомые из нереального прошлого названия станций: «Сталинград», «Севастополь»...

А вообще Париж – город неповторимый. Впрочем, я тут совсем не оригинален. Даже через пару дней пребывания здесь любой человек сам собой вписывается в ритм и атмосферу этого мегаполиса. А возвращаясь в Париж через несколько месяцев или даже лет отсутствия, такой человек ловит себя на мысли, что город несколько не изменился, что он все такой же влекущий, распутный и праздничный, как и в его первый приезд. Помимо непреложной многовековой пышности и исторического наследия культуры, искусства и гастрономии здесь каждый находит все, о чем когда-то только мечтал. Он с интересом изучает старейшее в Европе метро или с опаской наблюдает разноязыких, постоянно куда-то бегущих или беззаботных прохожих на бульваре Сен-Жермен. А магазины! Меня всегда радовали парижские булочные – этот праздник души, именины сердца. Заходишь, смотришь на витрину с тортами, пирожными, багетами, булочками, батонами – и тонешь в своей собственной слюне. Ну не может человек все это съесть, просто не в состоянии, но и оставить все это на витрине и не купить этот абстрактный человек тоже не может! А потом возникают несварение желудка, плохие сны и тяжелые мысли.

Я сидел в небольшом кафе на бульваре Сен-Жермен и, несмотря на тяжелые мысли, временами рассеянно разглядывал улицу за окном. Скоро всему этому придет конец. По мнению мэрии, улицы на левом берегу Сены утрачивают дух времени, наводнены безликими быстро и невзрачными кафе. Поэтому власти Парижа начали настоящую и непримиримую войну на левом берегу. Года через три в пятом и шестом округах останутся только ресторанчики, связанные исключительно с писателями, искусством и высокоинтеллектуальным кино. В начале и середине прошлого века пятый и шестой округа считались средоточием богемы: здесь собирались художники и литераторы – от Пикассо и Матисса до Хемингуэя и Камю. Благодаря им в историю вошли и до сих пор действуют такие известные заведения, как Les Deux Magots и Café de Flore. Вот мэрия и решила возродить былую популярность богемных кварталов, дабы привлечь обеспеченных туристов и, естественно, увеличить свои доходы. Интересно только, будет ли это удобно для простых обывателей и натурализованных иностранцев типа меня?

Маленький ноутбук, постоянный спутник современного обывателя, стоял рядом на столике. Я только что прекратил править очередную главу. Мне нравилось здесь бывать, поэтому я всегда завтракал тут. Мирно и тихо, случайных людей почти нет, только постоянные клиенты. Я отодвинул компьютер, взял меню. Здешнее питание вполне устраивало, но я неизменно просматривал список предлагаемых блюд, хоть и выучил его практически наизусть.

– Что такой серьезный сегодня? – спросила моя подруга, после того как я оторвался от увлекательного чтения. Она только что подошла и не знала еще моего настроения. – Снова мрачные мысли или погода так действует?

Я механически посмотрел в окно. Снова дождь. Обычный зимний парижский дождь. Мы некоторое время молчали и задумчиво разглядывали мокрую улицу.

– Не знаю, Лен. Вот вышла рецензия на мою книгу... Je prendrai un sandwich jambon et fromage, une omelette et un verre du jus d'orange. Pour deux, – сказал я подошедшему официанту. Это был новый темнокожий парень, еще не знавший моих привычек. – Jus sans glacons.

– Рецензия плохая? – спросила Лена, после того как заказ приняли.

– Плохая? Не то слово, – я открыл страницу сайта литературной критики. – Вот послушай, что они тут накарябали: «...это затасканный шаблон, говорящий о том, что его автор односторонне мыслит, что у него не хватает фантазии, чтобы создать что-нибудь новое. Его стиль убог и тривиален, а манера изложения...» – ну и далее в том же духе.

– Виктор, не воспринимай критику слишком серьезно, ага? Ты же знаешь этих журналистов! А как твоя новая книга? Двигается?

В ту пору я дописывал книгу о постмодернизме, пытаюсь объяснить, что у каждого свой постмодернизм и все видят в нем разное. Но мне еще не хватало финала.

– Я ее почти дописал. Осталось доделать заключение, а потом начнется самое противное.

– Почему противное?

– Правка, вычитка, редакция, переговоры с издателем. Потом оформление, еще всякие скучные дела. А чуть позже в дело вступят критики.

– Да брось ты! Это же так интересно. По-моему, ты просто ломаешься и капризничаешь.

Тут принесли завтрак. Несколько минут мы молча ели. Я почти расправился с омлетом, как вдруг мне позвонил кто-то неизвестный.

– Oui? – автоматически спросил я в трубку, пригубив чашечку кофе.

Несколько минут я слушал своего далекого собеседника, задавая односложные вопросы.

– Неприятности, да? – осведомилась Елена, когда я положил телефон на столик.

– Да. У меня умер отец, и мне придется срочно лететь в Москву.

– Ой... я тебе сочувствую...

– Давай помолчим, ладно? Прошу тебя... Ты не знала моего отца.

В полном молчании я доел свой завтрак. В животе неприятно забурчало.

– Garçon, l'addition s'il vous plait, – позвал я официанта. Как постоянный клиент чаевых я не платил. Только сейчас я заметил, что в кафе нет ни единого посетителя, кроме меня самого. Даже моя подруга куда-то исчезла. Повинуясь давней привычке, я тупо посмотрел в окно. Вся видимая часть улицы опустела. И это утром!

Бред какой...

Как в бреду, очень плохо соображая, что делаю, я расплатился за завтрак и заказал билет на ближайший доступный рейс до Москвы *roug une personne*. За срочность пришлось добавить. Хорошо хоть тут бесплатный вай-фай и свободный вход в Интернет... Вот ведь какая беда! Все шло нормально, старик ничем не болел, был крепок и свеж для своего возраста, новую книгу собирался издавать. И вот... А теперь все мои планы летели к черту! Там еще наследство, как я понимаю... возня всякая, похороны, кладбище. Это надолго. Интересно, как теперь это делается в России? Кому платить и как много? Я ж ничего не знаю про Москву, все изменилось, а что знал – от того давно уже отвык.

В Москву... черт... как это все не вовремя! Куча срочных дел, целая вереница людей, которые ни за что не будут меня ждать... И тут я поймал себя на мысли, что переживаю не только (и не столько!) о смерти отца, сколько о несвоевременности его кончины, разрушающей мои планы. Сколько времени я уже не приезжал в Москву надолго? Лет двадцать? Кошмар... Я, конечно, прилетал сравнительно часто, для чего имел всегда открытую визу. На пару – максимум на пять дней. На большее меня просто не хватало. И каждый раз замечал, что уже чего-то не знаю, в чем-то не ориентируюсь и что-то не умею делать. Каждый раз приходилось кого-нибудь просить быть моим гидом и ангелом-хранителем.

На полном автопилоте я вернулся домой. Квартира оказалась пуста – подруга так и не появилась. Где ее носит, интересно, когда она мне так нужна? Ее телефон тоже не отвечал. А

мне нужно было еще собраться и купить теплую одежду для России. Недолго думая, я зашел на некий сайт со спортивными товарами и заказал там пухлую горнолыжную куртку, пару теплых ботинок и лыжные перчатки. Тут тоже пришлось доплатить за срочность заказа и экстренность доставки.

Когда я лихорадочно собирал необходимое мне личное барахло, в дверь позвонили. Думая, что уже привезли заказ и пришел курьер из интернет-магазина, я крикнул: “Ouvert!”.

Звонок повторился. Тогда я подошел к двери и открыл ее сам. Но там оказался вовсе не курьер. В дверях стояла молодая и очень привлекательная светловолосая особа с пустыми руками. Девушка мне сразу понравилась: длинные волосы, большие зеленые глаза, светлая кожа. Она напоминала не то какую-то актрису в роли тренера детской спортивной команды, не то чемпионку Уимблдона по теннису. Крепкая фигурка, точные движения, уверенный взгляд. Блондинка была в белом свитере с высоким горлом, голубых джинсах в обтяжку и черных сапогах со шнуровкой.

– Excusez-moi... – буркнул я. Ничего другого мне не пришло в голову.

– Bonjour! J'ai un petit probleme... Вы едете в Москву? – спросила она, вдруг перейдя на русский язык.

– Да. А вы кто? Вы из России?

– Только что из Москвы. Надо поговорить, долго не задержу. Вы позволите мне войти? – невесело усмехнулась она.

– Да, конечно, входите. Но я сейчас уезжаю, поэтому не смогу вам уделить должного внимания и достаточно времени...

– Достаточно для чего? Времени нам хватит. Я в курсе ваших дел, поэтому тянуть не будем. Ваш отец написал завещание, где все свое имущество, права на издания и интеллектуальную собственность отписал своему ученику. Вы там не упомянуты ни в каком качестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.